Дерзкая темная ночь

Автор:
Кристина Лорен

Дерзкая темная ночь

Кристина Лорен

Дерзкие истории #3

Оливер – сексуальный владелец магазина комиксов. Лола – успешный автор графических романов, на которые есть спрос даже в Голливуде.

Их скоропалительная свадьба в Вегасе закончилась быстрым разводом, так как ни один не пожелал признавать свои чувства, а дружба оказалась слишком удобным вариантом.

Все друзья твердят, что они созданы друг для друга, и только Оливер и Лола продолжают делать вид, что ничего не замечают. Но ночь в Вегасе уже сделала свое дело, и теперь их отношения изменились навсегда.

Кристина Лорен

Дерзкая темная ночь

Посвящается Эдди, нашему Супермену

Christina Lauren

DARK WILD NIGHT

© Ивасечко И., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Лола

Я мысленно рисую на панно, пока мы идем от ресепшена по коридору с мраморным полом: женщина в черных туфлях на пятнадцатисантиметровых каблуках и просто с бесконечными ногами покачивает бедрами с каждым своим шагом.

Покачивает бедрами влево.

Покачивает вправо.

Потом снова влево.

Мой агент Бенни наклоняется ко мне.

– Не нервничай, – шепчет он.

– Я в порядке, – вру я.

Но, выпрямившись, он только фыркает в ответ:

Контракт уже составлен, Лола. Ты здесь просто показаться, а не кого-то впечатлять. Улыбайся! Сегодня интересная часть всего этого.

Я киваю, пытаясь сосредоточиться на происходящем вокруг: «Ах, какой офис! Ах, какие люди! Эти яркие огни большого города!» Но все напрасно. Я сочиняла и

рисовала свою «Рыбу Рэйзор» с одиннадцати лет и с интересом тратила каждую секунду своего времени на ее создание. Ужасающая же часть – это идти по коридору вдоль стеклянных сверкающих кабинетов и глянцевых плакатов в рамках с семизначными цифрами, затраченными на производство фильмов.

Мой желудок подпрыгивает куда-то в горло, и я снова возвращаюсь в свою тихую гавань.

Покачивает бедрами вправо.

Покачивает бедрами влево.

А ноги длиной как от земли до небес.

Секретарь останавливается перед дверью и открывает ее: «Ну вот мы и на месте».

Все офисы студии просто до неприличия изысканные; здание ощущается словно современный вариант замка. Все стены отделаны мрамором и алюминием, двери – стеклянные. Детали мебели выполнены либо из мрамора, либо из кожи.

Бенни уверенно идет впереди, пожимая руку каждой бизнес-леди по другую сторону стола. Я следую за ним, но когда отпускаю дверь, та захлопывается слишком сильно и звук удара стекла о металл эхом раздается по комнате – за столом, с его обратной стороны, слышны два испуганных возгласа.

Твою мать!

Я много раз видела себя на фотографиях в стрессовых ситуациях на публике, чтобы знать, что не выгляжу сейчас потрепанной. И даже не втягиваю голову в плечи. Не сутулюсь и не вздрагиваю, хотя, когда дверь с грохотом закрывается, внутри меня все словно стягивается сотнями тысяч узелков.

Видимо, я просто хорошо все это скрываю.

«Нью-Йорк Таймс» дал «Рыбе Рэйзор» превосходный отзыв, но описал меня как «отстраненную» во время интервью, хотя сама про себя я бы сказала, что была

яркой и обворожительной. «Лос-Анджелес Таймс» дал определение нашему телефонному разговору как «серии длинных продуманных пауз и односложных ответов», хотя мой друг Оливер сказал, что от волнения я наговорила целую тираду.

Повернувшись лицом к присутствующим, я удивляюсь, насколько те выглядят отполированными статуями. Никто ничего не говорит по поводу моего не слишком изящного появления, но, клянусь, пока я иду к столу, в воздухе все еще висит эхо того хлопка.

Бенни подмигивает мне и жестом предлагает сесть. Выбрав мягкое кожаное кресло, я разглаживаю платье на бедрах и осторожно сажусь. У меня вспотели руки, а сердце грохочет. Я снова и снова считаю до двадцати, чтобы сдержать панику.

На панно изображена девушка с высоко поднятым подбородком и огненным шаром в груди.

– Лорелея, приятно встретиться с вами лично.

Я смотрю на говорящую это женщину и пожимаю ее протянутую руку. У нее светлые блестящие волосы, идеальный макияж и столь же идеальная, но несколько безликая одежда.

Решаю, что это Анджела Маршалл, исполнительный продюсер, вместе с Остином Адамсом боровшаяся за право снимать «Рыбу Рэйзор» в битве, о которой я даже ничего не знала. (Все-таки не зря я с утра пораньше штудировала IMDb[1 - Сайт с фильмами, знаменитостями, сериалами, новостями шоу-бизнеса.].) Правда, на фото она была рыжей.

Мельком взглянув на женщину, я изучаю ее темную кожу, черные волосы и большие карие глаза. Нет, это все-таки не Анджела Маршалл.

Единственный человек, кого я часто видела на фото в журналах, – это Остин, но, кроме Бенни, здесь нет мужчин.

– Пожалуйста, зовите меня Лола. Приятно познакомиться, – говорю я с вопросительной интонацией, потому что в обычных ситуациях в этот момент и происходит знакомство.

Но вместо этого рукопожатие никак не кончается, и сейчас я не знаю, куда деть мой эмоциональный порыв. Почему никто не представляется? Разве я должна заранее знать каждого по имени?

Отпустив мою руку, женщина наконец произносит:

– Анджела Маршалл.

Складывается впечатление, будто это был какой-то тест.

– Рада познакомиться, – повторяю я. – Не могу поверить…

Моя мысль на этом заканчивается, и все оборачиваются ко мне, ожидая продолжения. Честно говоря, я днями напролет могла бы рассказывать, во что я не могу поверить.

Я не могу поверить, что «Рыба Рэйзор» станет известной на весь мир.

Не могу поверить, что люди ее покупают.

И я действительно не могу поверить, что такие интересные люди, работающие в этой огромной киноиндустрии, превратят мой роман в комиксах в фильм.

– Мы ни во что из этого не можем поверить, – приходит мне на помощь Бенни, при этом неловко посмеиваясь. – И в восторге от того, как все повернулось. Просто в восторге.

Женщина рядом с Анджелой всем своим видом показывает «о, ну конечно же, вы в восторге», потому как все мы знаем, что для Бенни это довольно солидная сделка: его двадцать процентов – это приличные деньги. Но это понимание тянет за собой еще одно: для меня случившееся имеет куда большее значение, чем для него. Вся моя жизнь изменилась после одной этой сделки. И вот мы сейчас здесь, чтобы подписать контракт, обсудить кастинг и составить график.

На панно изображена девушка, которая резко просыпается из-за того, что ей в позвоночник вонзили сталь.

Я пожимаю руку другой женщине:

– Привет. Извините, не расслышала ваше имя. Я Лола Кастл.

Она представляется как Ройя Лайани, затем смотрит на бумаги перед собой и готова пояснить, что происходило перед нашим приходом. Но прежде чем она начинает, распахивается дверь, и в стремительно вошедшем я узнаю Остина Адамса, чье появление сопровождается звуками телефонных звонков, стуком каблуков и гулом голосов из соседних помещений.

– Лола! – приветливо окликает меня он, после чего морщится, когда за его спиной резко захлопывается дверь.

Глядя на Анджелу, он произносит:

– Ненавижу эту чертову дверь. Когда, блин, Джули организует ее ремонт?

Анджела отмахивается от него и с интересом наблюдает, как Остин, не обращая внимания на место рядом с ней, выбирает стул справа от меня. Он садится на него и, широко улыбаясь, начинает изучать мое лицо.

– Я твой большой поклонник, – без всяких вступлений и даже не представившись, говорит он. – Честное слово. Я от тебя просто в восторге!

– Я… Ну ничего себе, – неловко засмеявшись, отвечаю я. – Спасибо.

– Пожалуйста, скажи, что ты работаешь над чем-нибудь новым. Я пристрастился к твоему искусству, историям – ко всему.

– Мой следующий роман-комикс выйдет этой осенью. Будет называться «Майский жук». – Я чувствую, как Остин взволнованно придвигается ближе, и инстинктивно добавляю: – Но он еще в процессе создания».

А когда снова поднимаю глаза на него, он с удивлением покачивает головой.

– Это нереально, да? – Его взгляд теплеет, а улыбка смягчается. – Что ты – вдохновитель очередного масштабного боевика?

Ситуации, подобные этой, когда я беспокоюсь, что услышу много пустых похвал, обычно заставляют затаить дыхание, чтобы сдержать свой скептицизм. Но несмотря на то что он влиятельный режиссер и продюсер, Остин кажется таким искренним. Он очень привлекательный, но при этом какой-то растрепанный: его светлые золотистые волосы явно расчесаны при помощи пальцев, он небрит, одет в джинсы и криво застегнутую рубашку, от чего правая половина длиннее левой. И его воротничок так же перекошен. Он являл собой довольно дорогой беспорядок.

– Спасибо, – отвечаю я, сцепляя руки вместе, чтобы не было соблазна теребить мочку уха или волосы.

– Я серьезно, – опираясь локтями о бедра, добавляет он, по-прежнему глядя только на меня. Сомневаюсь, что он заметил Бенни. Костяшки моих пальцев белеют. – Понимаю, что именно так мы и должны всем говорить, но в этом случае это действительно правда. Меня захватило с первой страницы, и я сказал Анджеле и Ройе, что мы должны заполучить этот роман.

– И мы согласились, – совершенно не к месту вмешивается Ройя.

– Что ж, – стараясь найти что-нибудь, кроме очередного «спасибо», прозношу я. – Это замечательно. Рада, что роман вроде бы собрал свою небольшую аудиторию.

– Небольшую? – саркастически уточняет он, откидываясь на спинку стула и глядя на свою рубашку. – Охренеть! Я даже не успел нормально одеться.

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы подавить смех, уже щекочущий горло. До его прихода вся эта ситуация повергала меня в безмолвную панику. Когда я была маленькой, мы делали покупки на «Гудвилле»[2 - Онлайн секонд-хенд.], много лет использовали талоны на еду, и я по-прежнему езжу на «шеви» 1989 года выпуска. Я еще толком не могу осмыслить, каково это – изменить свою жизнь, и присутствие этих идеальных степфордских сестер[3 - По аналогии с современным романом и фильмом «Степфордские жены».] за этим столом

только добавляет напряжения в эту незнакомую для меня атмосферу.

Но Остин мне кажется тем, с кем я вполне могу работать.

– Знаю, у тебя уже об этом спрашивали, – говорит он, – я читал в интервью. Но хочу услышать непосредственно от тебя. Что заставило начать писать эту книгу? Что на самом деле вдохновило?

Меня действительно об этом спрашивали, и так много раз, что у меня появился стандартный ответ: мне нравятся женские супергероини, потому что они отлично умеют справляться со сложными социальными и политическими ситуациями, в популярной культуре и искусстве. Я написала о Куинн Стоун как об обычной девушке в духе Клариссы Старлинг или Сары Коннор[4 - Героини фильмов «Молчание ягнят» и «Терминатор» соответственно.]: они обе добились успеха своими собственными силами. Куинн встречает странного, похожего на рыбу мужчину из иного измерения. И это существо, Рэйзор, помогает Куинн отважно сражаться за себя и свое окружение. При этом он понимает, что не может отпустить ее домой, даже когда должен. Эта идея пришла мне во сне, когда огромный, покрытый чешуей мускулистый мужчина попросил меня прибраться в шкафу. Остаток дня я провела в раздумьях: а что, если бы он на самом деле появился у меня в комнате? Я назвала его Рыба Рэйзор. И представила, что он не наваляет мне за неубранный шкаф, а посоветует послать это к чертям и сразиться за что-то на самом деле важное.

Но это не тот ответ, что стоит произносить сегодня.

– Я была в ярости, – выкладываю я. – И считала взрослых либо придурками, либо засранцами.

Я выжидающе смотрю в зеленые глаза Остина до тех пор, пока он не вздыхает и понимающе не кивает.

– Я злилась, что мой папа был в раздрае, а мама такая трусиха. И уверена, что знаю, почему придумала Рыбу Рэйзор: он грубый и не всегда понимает Куинн, но в глубине души любит ее и хочет о ней заботиться. Рисовать его самого, как он поначалу не понимает ее человеческую природу, но потом тренирует ее для сражений и в конце концов уступает ей… Я позволяла себе погрузиться целиком в их историю, когда, закончив с домашними делами и уроками, я ночами в

одиночестве проводила время в их компании.

В комнате становится совсем тихо, и я ощущаю незнакомое желание заполнить эту тишину словами:

– Мне нравилось наблюдать за Рэйзором, как он начинал ценить в Куинн то, что было нетипичным. Она худая и молчаливая. Совсем не амазонка. Ее достоинства – в мелочах: она наблюдательна, доверяет самой себе, не сомневаясь. И я хочу убедиться, что это не упустят. В книге много действий и жестокости, но Рэйзор не строит иллюзий насчет нее, когда она только учится драться. Его поражает, когда она выясняет, как ему противостоять.

Я смотрю на Бенни. Сейчас я говорю максимально откровенно о своей книге, и на его лице ясно читается удивление.

– Сколько тебе было лет, когда ушла мама? – догадывается Остин. Он разговаривает со мной так, будто в комнате больше никого нет, и из-за тишины легко представить, что это на самом деле так.

– Двенадцать. Сразу после того, как папа вернулся из Афганистана.

Комната, кажется, погрузилась еще в большее безмолвие, и Остин тяжело вздыхает: «Блин, это дерьмово».

Я наконец смеюсь.

Он снова наклоняется, и его взгляд становится настойчивым, когда он говорит:

– Я очень люблю эту историю. И этих персонажей. И у нас есть сценарист, который сделает из этого шедевр. Знаешь Лэнгдона Макафи?

Я мотаю головой, смущенная тем, что, мне кажется, я должна его знать, но Остин только отмахивается от меня.

– Он обалденный. Спокойный, умный и организованный. И хочет писать сценарий вместе с тобой.

От неожиданности я открываю рот – я буду писать сценарий! – но ничего, кроме сдавленного возгласа, у меня не выходит.

Не обращая внимания на мое потрясение, Остин продолжает:

– Я не хочу слишком много об этом говорить, ладно? – И сам уже кивает, будто подсказывая: – Я хочу, чтобы получилось все, чего ты хочешь. – Наклонившись, он улыбается: – Хочу, чтобы ты увидела, как твоя мечта претворяется в жизнь.

* * *

– Расскажи еще разок и поподробнее, – просит Оливер. – Не уверен, что в первый раз ты говорила по-английски.

Он прав. Я еле дышала, с трудом соображая, какие подобрать слова, с тех пор как ворвалась, болтая без умолку, в его магазин комиксов Downtown Graffick. Оливер смотрел на меня, и его милая улыбка медленно таяла, превращаясь в замешательство, пока я фонтанировала сотнями бессвязных слов посреди магазина. Я провела два часа в дороге от Лос-Анджелеса, вися на телефоне с папой и пытаясь переварить, о чем говорили на встрече. Не то чтобы это действительно помогло, потому что, вот, пожалуйста, говорить об этом вслух в присутствии одного из важных для меня людей становится еще более сюрреалистичным.

За все те восемь месяцев, что мы дружим, не думаю, что Оливер видел меня в таком состоянии – задыхающуюся и заикающуюся, на грани слез от потрясения. Я всегда гордилась собой, что я спокойная и невозмутимая даже в кругу друзей, и сейчас пытаюсь взять себя в руки, но это чертовски трудно.

Они

снимают

фильм

на основе моих детских идей.

– Ладно. – Я делаю большой вдох и медленно выдыхаю. – На прошлой неделе позвонил Бенни и сказал, с фильмом что-то происходит.

– Я думал, он только разослал…

– Несколько месяцев назад, – перебиваю его я. – Все верно. Или это была тишина перед взрывом? Потому что по дороге от его офиса к их он сказал мне, что была настоящая битва за право. – Я прижимаю ладонь ко лбу: – Я вспотела. Ты только взгляни на меня: я вся мокрая.

Он смотрит на меня, и его взгляд смягчается. Потом, засмеявшись, он слегка качает головой и возвращает свое внимание к только что вскрытой коробке с книгами:

– Это невероятно, Лола. Просто продолжай рассказывать.

– Всех сделали Columbia и Touchstone[5 - Кинокомпании.], – говорю я. – Мы были в их офисах и встречались кое с кем.

– И? – Глядя на меня, он вытаскивает книгу из коробки. – Они были впечатлены?

– Думаю, – я останавливаюсь на полуслове, вспомнив, как это ощущалось, когда Остин перевел свое внимание на остальных и встреча превратилась в мешанину названий и пометок типа «внести в расписание Лэнгдона первую встречу по обсуждению сценария и посмотреть, можем ли мы к полудню предоставить Митчеллу план кассовых сборов», – да. Там были пара неразговорчивых, но исполнительный продюсер Остин Адамс был по-настоящему милым. А я была так потрясена, что не знаю, сколько мне понадобится времени, чтобы к этому привыкнуть. – Проведя обеими руками по волосам, я поднимаю голову вверх: – Все это такое безумие. Этот фильм.

– Ага, фильм, представляешь, – вторит мне Оливер, и когда я поворачиваюсь к нему, вижу, как он смотрит на меня своими загадочными голубыми глазами. Он облизывает губы, и мне, пожалуй, стоит отвернуться. Он мой муж в прошлом и увлечение в настоящем, но оно всегда будет безответным: наш брак в общем-то никогда не был настоящим. Это было «что мы сделали в Вегасе».

Конечно, две другие пары, что встретились в Вегасе, – наши друзья Миа с Анселем и Харлоу с Финном, сейчас счастливо женаты. Но иногда мы с Оливером, особенно когда выпьем, любим похвалить друг друга, что мы единственные, кто провернули эту свадебную ерунду в Вегасе, как нормальные люди: сначала сожаление, затем аннулирование и похмелье. И учитывая эмоциональную дистанцию, которую он всегда держит, я почти уверена, что из нас двоих он тот, кто на самом деле одобряет такое решение.

– И это было не просто «о-о, нам нравится идея, давайте купим и посмотрим, что из этого можно сделать», – продолжаю я. – Купив, они уже знали, кто будет режиссер. И сегодня мы говорили о кастинге. У них полно больших эффектных парней, кто жаждет принять участие.

– С ума сойти, – бормочет он, придвигаясь ближе и внимательно глядя на меня. И если бы я не знала Оливера так хорошо, решила бы, что он смотрит на мой рот. Но я хорошо его знаю: он просто вглядывается в каждую черту моего лица, пока я говорю. Он потрясающий слушатель.

– И… я собираюсь совместно писать сценарий! – немного задыхаясь, добавляю я, и его глаза округляются.

– Лола! Лола, черт возьми.

Пока я пересказываю сегодняшнюю утреннюю встречу, Оливер возвращается к распаковыванию новой партии комиксов, время от времени поглядывая на меня со своей все поглощающей легкой улыбочкой. Я думала, что за все это время научилась понимать, о чем он думает или как реагирует на что-то. Но он по-прежнему во многом мною не читаем. Лофт, в котором я живу на пару с моей подругой Лондон, находится всего в паре кварталов от магазина Оливера, и хотя я вижу его почти каждый день, бо?льшую часть времени по-прежнему ощущаю себя пытающейся понять, что он имеет в виду или что означает каждое его слово, или, например, задержавшаяся на мне улыбка. И будь я похожа на Харлоу, я бы просто спросила.

– Значит, ты с нетерпением ждешь его выхода на экраны? – спрашивает он. – Это произошло так быстро, что мы не успели обсудить. Знаю, многие авторы не в восторге от конечного результата адаптации.

– Издеваешься? – восклицаю я. Как он может всерьез об этом спрашивать? Единственное, что я люблю больше комиксов, – это фильмы по комиксам. – Это как снег на голову, но при этом потрясающе.

А потом вспоминаю, что меня ждет e-mail с семнадцатью вариантами сценария в качестве «рекомендации», от чего накатывает легкая тошнота.

– Это почти как строительство дома, – говорю ему я. – Но мне хочется заморачиваться вопросом вселения, а не подбирать ручки к шкафам и светильники.

– Давай просто надеяться, что они не позовут Джорджа Клуни на роль твоего «Бэтмена», – замечает он.

Я поигрываю бровями:

– Пусть позовут мне Джорджа Клуни для всего, чего угодно, сэр.

Из-за полок появляется Не-Джо, единственный работник Оливера – находящийся вечно под кайфом чувак с ирокезом, к которому мы ощущаем такие же привязанность и обожание, какие испытывает хозяин к своему домашнему любимцу.

– Клуни – гей. Вы же знаете, да?

Мы с Оливером не обращаем на него никакого внимания.

– На самом деле, – добавляю я, – если эти два слова Джордж Клуни когда-нибудь включат в оксфордский словарь английского языка в качестве глагола, я тут же добавлю их в список часто употребляемых выражений.

– Типа «вас когда-нибудь клунили»? – предлагает Оливер.

– Точно. «Мы пошли гулять, а потом нас отклунили аж до двух часов. Приятного вечера».

Оливер кивает и убирает в ящик ручки:

– Наверное, мне тоже стоит добавить.

– Видишь? Вот поэтому мы и дружим, – замечаю я. Быть рядом с ним – как находиться под дозой ксанакса[6 - Успокоительное.]. Он меня всегда успокаивает. – Если Джордж Клуни станет глаголом, это будет такое важное событие, что станет не важно, гей он или нет, ты тоже захочешь его использовать.

– Он стопроцентный гей, – уже громче заявляет Не-Джо.

Скептически фыркнув, Оливер наконец поворачивается к нему:

– Я так не думаю. Он ведь женился.

– Да ну? – удивляется Не-Джо, облокачиваясь локтями на стойку. – Но будь он таким, ты бы его все равно хотел?

Я поднимаю руку:

– Да. И не сомневайся.

– Я не тебя спрашивал, – отмахивается от меня Не-Джо.

– А кто спереди, кто сзади? – уточняет Оливер. – Меня отклунит Джордж Клуни или это я буду клунить?

– Оливер, – отвечает Не-Джо. – Это же Джордж, мать его, Клуни! Его нельзя клунить.

– Мы потихоньку превращаемся в идиотов, – бормочу я.

Они оба не обращают на меня внимания, и Оливер наконец пожимает плечами.

– Ну ладно. Да. Почему нет?

– И наш IQ медленно, но верно снижается, – продолжаю я.

Не-Джо делает вид, будто хватает кого-то сзади и делает несколько толчков бедрами вперед и назад.

– Вот это позволишь ему?

Пожав плечами, Оливер отвечает:

– Не-Джо, я и так понял, о чем мы. И также в курсе, как выглядит секс между двумя мужчинами. Я говорю, что если вдруг я буду с парнем, почему это должен быть плохой Бэтмен?

Я машу рукой у него перед лицом: «Нам нужно вернуться к той части разговора, где шла речь про мои комикс и фильм».

Оливер расслабленно поворачивается ко мне и улыбается так сладко, что у меня внутри все тает.

– Точно. Это офигенно, Лола. – Он наклоняет голову и взглядом синих глаз удерживает мой. – Я чертовски горжусь тобой!

Я улыбаюсь и втягиваю в рот нижнюю губу, потому что когда Оливер так на меня смотрит, я не в состоянии чувствовать себя хоть немного спокойно. Но еще ужаснее брякнуться перед ним в обморок, просто мы так себя не ведем.

– И как ты собираешься это отпраздновать? – спрашивает он.

Я оглядываю магазин, будто ответ где-то здесь:

– Потусить здесь? Не знаю. Может, стоит пойти поработать.

– Ну нет, ты постоянно в разъездах и даже когда появляешься дома, вечно работаешь, – возражает он.

Фыркнув, я говорю:

– И это говорит парень, не отходящий ни на шаг от своего магазина.

Оливер задумывается:

– Они же снимают твой фильм, Сладкая Лола. – Это прозвище заставляет мое сердце кувыркнуться в груди. – Сегодня вечером тебе нужно устроить что-нибудь грандиозное.

– Что-то типа посиделок у Фреда? – спрашиваю я. Мы там завсегдатаи. – Зачем делать вид, что нужно нечто необычное?

Оливер качает головой:

– Давай сходим куда-нибудь в центре, и тогда тебе не придется переживать о необходимости вести машину.

– Но тогда уже тебе придется как-то добираться до Пасифик-бич, – заспорила я.

Не-Джо позади нас играет на воображаемой скрипке.

– А я не против, – соглашается Оливер. – Не думаю, что Финн или Ансель где-то в городе, но я могу собрать девочек. – Он почесывает небритый подбородок: «Жаль, что не пригласил тебя поужинать, но я…

– О боже, не беспокойся. – Сама мысль, что Оливер оставит свой магазин, чтобы поужинать со мной, кружит голову и одновременно с этим погружает в панику. Не то чтобы здесь все сгорит, если он уйдет отсюда засветло, но это не означает, что мое тело не начинает инстинктивно паниковать. – Я просто пойду домой и в одиночестве посхожу с ума, а потом как следует напьюсь.

Его улыбка плавит меня:

– Звучит неплохо.

– А я думал, у тебя сегодня свидание, – обращается к Оливеру Не-Джо, подойдя сзади с огромной стопкой книг.

Оливер бледнеет:

– Нет. Это не… В смысле нет. У нас не свидание.

– Свидание? – Я чувствую, как мои брови взмывают вверх, при этом стараюсь игнорировать увеличивающийся узел у себя животе.

– Нет, это нельзя назвать свиданием, – настаивает он. – Просто девчонка через дорогу, работающая…

– …в «Хард-Рок Эллисон», – нараспев заканчивает за него Не-Джо.

Мое сердце падает. Это не просто девчонка через дорогу, а кто-то, чей живой интерес к Оливеру я замечала не раз. Но я стараюсь, чтобы моя реакция выглядела положительной.

– Замолчи! – вскрикиваю я и шлепаю Оливера по плечу, после чего с наигранным французским акцентом добавляю: – Это очень даже свидание.

Оливер ворчит и потирает плечо, делая вид, что это куда больнее, чем есть на самом деле. И кивает в сторону Не-Джо.

– Вообще-то она хотела нам обоим принести сюда ужин, в магазин…

– Ага, чтобы потом трахнуть тебя, – перебивает Не-Джо.

– Или, может, просто потому, что она милая, – говорит Оливер, и в его голосе звучит игривый вызов. – Но в любом случае я предпочел бы пойти отпраздновать фильм Лолы. Я напишу Эллисон, чтобы она была в курсе.

Я уверена, эта Хард-Рок Эллисон – милая женщина, но прямо сейчас, зная, что у Оливера есть номер ее мобильного и что он может запросто написать ей об изменении в их планах, я бы хотела отправить ее под поезд. Ну или что там еще жуткого желают для новой девушки? Эллисон симпатичная и общительная и настолько стройная, что могла бы поместиться в мою сумку. Это первый раз, когда я столкнулась с возможностью похода Оливера на свидание, и первый раз на моей памяти, когда наша дружба сталкивается с этим. Мы поженились и

развелись меньше чем через сутки, и хотя для меня очевидно, что он никогда не был мной увлечен, при всем при этом мы еще никогда не обсуждали свидания с другими. Поэтому как я должна сейчас реагировать?

Круто, решила я для себя. Рада за него.

– Не переноси, – улыбаясь настолько искренне, насколько сейчас способна, говорю я. – Она милая. И возьми ее в Bali Hai, там так красиво.

Он поднимает на меня взгляд.

– Я сто лет хотел туда сходить, ты же любишь это место. Нам нужно пойти туда вместе.

– Оливер, ты не можешь взять меня с собой на свидание.

Его глаза округляются за стеклами очков.

– Это не оно. Я не… Не собирался, – поясняет он и быстро добавляет: – Лола. Это ни фига не свидание.

Ладно, значит, он не увлечен Эллисон. Узел в моем животе ослаб, и я пялюсь на стол, бросив все силы на то, чтобы не улыбнуться. И несколько вдохов и выдохов спустя мне это удается. Я оглядываюсь и вижу, как он, не отрываясь, наблюдает за мной со спокойным, будто гладь горного озера, выражением на лице.

«О чем ты думаешь?» – хочу спросить я. Но, конечно же, молчу.

– Лола, – начинает он.

Я сглатываю, не в силах удержаться от мимолетного взгляда (всего на секундочку!) на его рот. Я обожаю его рот. Он крупный; нижняя губа и верхняя одинакового размера. Они пухлые, но не женственные. Я рисовала его рот сотни раз: когда его губы чуть приоткрыты, когда сжаты в тонкую линию. Когда уголки губ приподнимаются в легкой улыбке или выгибаются дугой, когда он хмурится. Прикушенные зубами, и однажды, когда его рот был расслабленно приоткрыт, в момент эротичного вздоха.

Успеть досчитать до двух – это все, что мне удается, прежде чем я снова встречаюсь с ним взглядом.

– Да?

За тот год, который прошел, прежде чем он наконец заговорил, в моей голове пронеслись миллионы его возможных ответов.

Думал ли ты когда-нибудь о том, чтобы меня поцеловать?

Или о нашем сексе в задней комнате?

Устроить косплей Затанны?[7 - Персонаж вселенной DC Comics, иллюзионистка и волшебница.]

Но он просто спрашивает:

– А что про фильм сказала Харлоу?

Сделав глубокий вдох, я убираю подальше образ, как в этот момент он наклоняется ко мне и прижимается своим ртом к моему.

– Ой, как раз собиралась ей позвонить.

И тут до меня доходит, что я только что сказала.

Брови Оливера резко приподнимаются, а позади него Не-Джо издает пронзительный панический вопль, означающий, что либо за нами пришли копы, либо всех нас поубивает Харлоу, и это будет целиком и полностью моя вина.

– О че-е-е-рт, зачем я так сделала?! – прикрыв ладонью рот, восклицаю я. После папы я одной из первых обо всем рассказываю Харлоу. Она меня укокошит, если узнает, что сначала я пришла сюда. И о чем я только думала, рассказывая ему первым? Шагнув ближе, я делаю угрожающее выражение лица. – Не смей дать ей понять, что узнал прежде нее и что я была здесь, чтобы…

– Она будет тут через полчаса, – услужливо напоминает Не-Джо.

– Полчаса! – почти кричу я. – Да она порубит нас на мелкие кусочки и похоронит где-нибудь в пустыне.

– Блин, тогда звони ей прямо сейчас, – говорит Оливер, указывая на меня пальцем. – У меня нет желания предстать перед Харлоу и ее топором.

Глава 2

Оливер

– А когда ты узнал, Оливер?

Я с улыбкой смотрю через стол.

– Что узнал, Харлоу?

– Давай не придуривайся. – Она бросает взгляд в сторону, чтобы убедиться, что Лола все еще у бара. – Когда узнал, что права выкуплены и что дали добро съемкам?

Она выжидающе смотрит то на меня, то на Джо, но он наклоняется откусить огромный кусок своего бургера, так что отвечать приходится мне.

– Сегодня, – коротко говорю я, пытаясь прекратить лишние расспросы. Это хреновый ответ, потому что даже Лола узнала сегодня утром. А Харлоу ждет от меня отчет с точностью до часа.

Харлоу прищуривается, но сдерживает рвущийся язвительный ответ, когда с подносом, уставленным стопками, возвращается Лола. Посмотрев на меня, она одаривает меня своей заговорщической улыбочкой. Не уверен, знает ли она сама, что так делает. Та начинается с приподнимающихся уголков губ, полузакрытых глаз, после чего Лола медленно их закрывает, будто

фотографирует меня. И будь это так, на фото красовался бы по уши влюбленный мужчина.

В Amazing Spider-Man 25[8 - Комикс 1963 года, № 25 серии.] есть сцена, когда впервые появляется Мэри Джейн Уотсон. Ее лицо скрыто от читателя и от Питера Паркера, и до этого момента Питер знает ее только как девушку, «милую соседскую девочку», которую его тетя советовала пригласить на свидание.

Но Питера она не интересует. Раз Мэри Джейн нравится его тете, то она явно не в его вкусе.

Потом в 42-м выпуске показывают ее лицо, и Питер понимает, какая она потрясающая. Это как удар под дых: Питер оказался идиотом.

Это отличная аналогия для описания моих отношений с Лорелеей Кастл. Я был женат на Лоле тринадцать с половиной часов, и будь я умнее, воспользовался бы имеющимся шансом, вместо того чтобы решить, только потому, что она была в коротком платье и напивалась в Вегасе, что она не в моем вкусе.

Но спустя несколько часов уже все мы были пьяные… и неожиданно женатые. И пока наши друзья занялись осквернением гостиничных номеров и друг друга, мы с Лолой прошагали километры, болтая обо всем на свете.

Легко быть откровенным с незнакомым человеком, и еще легче после выпитого, поэтому к середине ночи я почувствовал себя с ней в довольно близких отношениях. А когда на Стрип спустилась ночь, намекая на удовольствие внизу живота, какое может предложить этот город, Лола остановилась и посмотрела на меня. Сверкнул маленький бриллиантовый пирсинг Мэрилин в ее губе, и я ощутил себя завороженным ее нежно-розовым ртом, на котором давно не осталось ни капли помады. Я уже протрезвел и думал о том, как завтра мы аннулируем наш брак, когда она тихо спросила, не хочу ли я снять где-нибудь номер. Для нас двоих.

Но я… не захотел. Не захотел, потому что к тому времени, как она это предложила, я понял, что она не девушка на одну ночь. Лола была той, из-за кого я мог бы потерять голову.

А по возвращении в Сан-Диего по ее жизни пронесся ураган. Во-первых, был опубликован ее роман в комиксах «Рыба Рэйзор», который тут же взлетел на верхнюю строчку чатов. А потом он стал мейнстримом и начал продаваться в крупных магазинах, а «Нью-Йорк Таймс» назвал его очередным большим проектом. Права были проданы крупной кинокомпании, и сегодня она встречалась с теми, кто вложит в проект миллионы.

Не думаю, что у нее найдется хотя бы полсекунды подумать о романтике, но ничего страшного, я думаю об этом за двоих.

– Не знаю, кто придумал традицию, когда именинница разрезает свой торт, – говорит Лола и ставит передо мной шот с подозрительной зеленой жидкостью, – или же, как сейчас, когда проставляется девушка, по чьей книге снимают фильм, но я не в восторге.

– Нет, – возражает Миа, – проставляется девушка, которая вот-вот покорит Голливуд.

– В наказание, – добавляет Харлоу. – И заранее.

Все поворачиваются, чтобы скептически уставиться на Харлоу. В отличие от всех нас вся ее жизнь связана с Голливудом. Ее родители – актриса и оскароносный режиссер, а замужем она за восходящей звездой канала Adventure Channel, и я уверен, все мы думаем об одном и том же: учитывая то, кому Голливуд помогает оплачивать счета, проставляться должна Харлоу.

Словно почувствовав это, она отмахивается и говорит:

– Заткнитесь уже. В следующий раз так и сделаю. – Все приподнимают свои стаканы, и Харлоу провозглашает тост: – За самую офигенную крутышку на свете – Лорелею Луизу Кастл! Положи на лопатки этих засранцев, девочка.

– Точно-точно! – соглашаюсь, и, поймав мой взгляд, Лола снова улыбается своей заговорщической улыбочкой.

Все вместе подняв бокалы – Харлоу, Миа, Джо, Лола, Лондон и я, – мы опустошаем их, и всех нас одновременно передергивает.

Лондон, соседка Лолы, чуть не подавившись, говорит:

– Этот зеленый шартрез[9 - Ликер на травах.] должен быть запрещен…

– Она кашляет, и ее светлые волосы, собранные на макушке в растрепанный пучок, чуть не рассыпаются, когда она качает головой.

– Он чудовищный, – соглашаюсь я.

– Я попросила бармена сделать что-нибудь, что можно было назвать празднованием, – морщась и вытирая рот тыльной стороной ладони, говорит Лола. – Простите, у меня сейчас ощущение, что нужно в туалет.

Миа кашляет.

– Этот парень спутал праздник со страданием. – Стащив мое пиво, она делает глоток и снова поворачивается к Лоле. Я так редко вижу Миа без прилипшего к ней Анселя; общаться с ней очень приятно. Она милая и нежная, как младшая сестренка. – Ну давай рассказывай, мисс Крутышка. Что там произошло утром?

Сделав глоток воды, Лола вздыхает и, широко раскрыв глаза, с ужасом вздрагивает.

– Ну вот честно, что это за жизнь, ребятки?

Прислонившись к спинке, я начинаю внимательно слушать, как Лола рассказывает все то, что по большей части я уже слышал. По правде, думаю, я бы послушал еще сотню раз, это бы не надоело. А еще я не представляю, каково ей от всего этого.

Лола, по ее собственному признанию, расходующая больше времени на разговоры с воображаемыми людьми, нежели с теми, кто вокруг нее, была поистине блестящей. Насколько могу, я стараюсь умерить собственную реакцию на новости о ее работе, потому что в этом отчасти заключается моя любовь к ней. Но в любом случае не похоже, что я могу ей проболтаться, каков гений Творец, что создал эту самую сексуальную и умную девушку из всех, кого я знал. Еще так часто, как только могу, я подчеркиваю в разговоре с клиентами, что ее

книга сама по себе необычная и ни на какую другою не похожая, но при этом ощущается знакомой.

От «Рыбы Рэйзор» я чувствовал такой же головокружительный восторг, что и ребенок, впервые покупающий комикс в маленьком газетном киоске. Я был одержим силой, сражениями и мощью истории, рассказанной словом и цветом. Когда мне было одиннадцать, я был самым высоким и худым ребенком в Year Seven[10 - Группа классов в школе в Австралии, включает в себя учеников от 11 до 13 лет.] – в наш первый год средней школы, и местные засранцы меня метко прозвали Длинный. И даже когда к Year Eleven мои друзья меня догнали, имя все равно осталось. Долгое время я возвышался над остальными и занимался велоспортом. А потом я перестал быть тощим – стал сильным и побеждал во всех школьных соревнованиях. И Длинный стало именем супергероя, а не слабака.

Глядя на Лолу, я поражаюсь, насколько мы похожи. Предоставленные сами себе в детстве, мы превратились в амбициозных интровертов, и в жизни каждого из нас важное место занимают комиксы.

А пока она витала в идеях ее нового дела, болтая о нереальных офисах и смеясь над малоприятным началом встречи, в комнату ворвался Остин, и я почувствовал, что мне нужно немного успокоиться и, забрав свое пиво, сделать глоток. Мне нужно подавить свои чувства, чтобы ощущать себя комфортно, ведь на самом деле жизнь Лолы изменится. Туда, где поначалу была только страсть, стремительно врывается бизнес, который принесет напряженность и проблемы, которые я предвижу в большей степени, чем понимает она. Кроме того, Лола невероятно талантлива, но по-прежнему немного наивная: Голливуд воплощает мечты, но также может быть суровым и безжалостным. Я хочу отбросить в сторону свой беспокойный рефлекс, из-за которого меня тянет немного суетиться с ней и переживать, что это сломает или, например, уничтожит ее искрящееся идеями творческое начало, благодаря которому она сочиняет и рисует. Но я не уверен, что стоит жертвовать этим ради кусочка жизни, о которой я мечтал.

Это заставляет меня хотеть ее защитить, сказать ей, чтобы слушала свой внутренний голос, потому что для Лолы он куда реальнее, чем те, что окружают ее большую часть жизни, начиная с детства, – так же, как и для меня. У меня нет ни братьев, ни сестер, ни родителей. Когда я был ребенком, опеку надо мной взяли бабушка с дедушкой, и лет в восемь мне стали больше интересны Супермен и Бэтмен, нежели то, что бабуля смотрела по телевизору, или те люди,

которые приходили в магазин деда.

Когда Лола подходит к концу рассказа и когда технические подробности становятся малопонятными из-за специфического сленга, начинает светиться экран ее лежащего на столе телефона, и она, мельком глянув на него, снова отодвигается ближе к спинке, не сводя с меня глаз:

– Это Остин.

Из-за того, что она смотрит прямо на меня, а не на Харлоу, Лондон или Миа, мое сердце оживляется и искрит в груди.

– Ответь, – предлагаю я, кивком показывая на телефон.

Она неловко хватает его, чуть не сбросив со стола, и торопливо отвечает: «Алло?»

Не слыша разговора на той стороне, я не могу понять, почему она, краснея и улыбаясь, говорит:

– Привет, Остин. Нет, извини. Просто только сейчас добралась до телефона.

Она внимательно слушает, а мы внимательно следим за ней, слушая односторонний разговор.

– Я все еще немного в шоке, – говорит она ему, – но в порядке. – Она поднимает взгляд и, оглядев стол, продолжает: – Да, я вышла развеяться с друзьями… Просто местный бар… В Сан-Диего. – Она смеется: – Это была сумасшедшая и долгая дорога, Остин!

Какого хера?

Я смотрю на Харлоу, которая в этот момент поворачивается ко мне, видимо, думая о том же.

Блин, он же не едет сюда? Я смотрю на часы: сейчас почти десять плюс два часа дороги.

– Я тоже до сих пор взволнованна, – говорит она, поигрывая с сережкой. – Ну я же никогда еще не писала сценарии, так что хорошо, если буду хоть чем-то полезна.

Она хихикает ему в ответ. Хихикает.

Я снова бросаю взгляд на Харлоу.

Лола хихикает только в нашей компании. И никогда с людьми, которых знает всего пару часов. Кроме меня в Вегасе, и я предпочитаю считать ту ситуацию чертовски уникальной.

– Не могу дождаться с ними поговорить… Нет, не буду, заключения неплохие… Я знаю, извини. Здесь шумно… Хорошо, буду. – Она кивает. – Буду! Обещаю! Ладно… Хорошо. Пока.

Очередное гребаное хихиканье. Она нажимает отбой и выдыхает, после чего скользит взглядом ко мне:

– Это был Остин.

Смеясь, я отвечаю:

– Да я уж слышал.

Даже с тем странным инородным чувством, поселившемся в моей груди, я могу себе представить, насколько это захватывающе: так быстро ощущать себя комфортно с человеком, стоящим у руля воплощения в жизнь ее главного творения.

– Он же не едет сюда из Лос-Анджелеса? – спрашивает Лондон с некоторым подозрением в голосе, если я, конечно, не ошибаюсь.

Мне всегда нравилась Лондон.

– Нет-нет, – качает головой Лола, улыбаясь и глядя на стол. – Он просто шутил.

Некоторое время мы просто сидим и смотрим на нее.

Харлоу первая нарушает тишину:

– Ну и какого хрена тогда он звонил?

Лола удивленно поднимает голову:

– Ой, хм! Он просто хотел знать, в порядке ли я после встречи. И что он обдумал кое-что по поводу сценария к первому фильму.

– Первому? – переспрашиваю я.

Она слегка расстроенно качает головой, и ее длинные прямые волосы прилипают к помаде на губах. Не в состоянии сдержаться, я тянусь вперед, чтобы убрать их. Но она тоже поднимает руку, и ее пальцы оказываются быстрее моих. Я быстро убираю свою руку и чувствую, как Харлоу поворачивается в мою сторону, но не могу отвести взгляд от Лолы, которая смотрит на меня с тихим безумием в глазах.

– Черт возьми, Оливер.

Лондон берет телефон и заявляет:

– Сейчас погуглю этого Остина Адамса.

Мне она всегда очень нравилась.

– Первому? – снова и чуть мягче спрашиваю я у Лолы.

– Он говорит, студия думает о трех фильмах, – почти пропищала она. – И еще у него есть идеи, которые он хочет со мной обсудить.

Харлоу матерится, Миа визжит, Джо широко улыбается, а Лола закрывает руками лицо, тихо заскулив от паники.

– Вашу мать! – кричит Лондон. – Этот парень горяч! – Она поворачивает к нам телефон.

Ладно, кажется, Лондон мне не настолько уж и нравится.

Не обращая на нее внимания, я напоминаю Лоле:

– Это хорошо. – И мягко опускаю ее руки вниз. Не в состоянии удержаться, добавляю: – Он сейчас хочет их обсудить? Или тебе завтра нужно быть в Лос-Анджелесе?

Она качает головой.

– Думаю, по телефону. Просто я с трудом представляю себе написание одного сценария, не говоря уже о трех. – Она прижимает кончики пальцев к губам.

– Все решает сотрудничество, – напоминаю ей я. – Не об этом ли тебе сегодня утром говорил Остин? – Ее растущее беспокойство помогает мне сдержать собственное: – Возможно, во втором и третьем фильмах ты будешь больше погружена в процесс. Но это же круто, да?

Она быстро кивает, подпитанная моей уверенностью, но потом ее плечи поникают, и она невесело усмехается:

– Я не знаю, как это делается.

Я чувствую, как ее рука, подрагивающая и влажная, ложится на мою.

– Нужно еще выпить! – торжественно заявляет Харлоу, и краем глаза я вижу, как она встает заказать еще.

Джо протягивает руку и гладит Лолу по голове:

– Лола, ты – звезда среди серости. Ты будешь на коне.

Я согласно киваю:

– Ты справишься. Лучше тебя эту историю не знает никто. Ты тут главная. А они просто эксперты в съемках.

Когда Лола выдыхает, ее мягкие губы образуют сладкую букву «о», и она держится за мой взгляд своим, чтобы не развалиться на части. Знает ли она, как я хочу быть ее опорой?

– Ладно, – кивает она и повторяет: – Ладно.

* * *

В конце концов мы расправились еще с пятью шотами каждый и перешли от обсуждения безумного дня Лолы к бурной дискуссии о том, как будет выглядеть конец света. Как обычно, виной тому был Джо, а Лола стала такой расслабленной, очаровательно хихикающей от каждого звучащего предположения (зомби, ядерное оружие, вторжение инопланетян!) и кажется абсолютно счастливой и отвлеченной.

– А я говорю, всему виной будет рогатый скот, – чудом умудрившись не зацепить бокал Харлоу, заявляет Джо, размахивая руками. – Какой-нибудь коровий или свиной грипп. А может, и птицы.

– Бешенство, – пьяно кивая, добавляет Миа.

– Нет, не бешенство, – качая головой, возражает он. – Что-то, о чем мы даже еще не знаем.

– Наш оптимист. – Лондон толкает его в плечо, и он поворачивается к ней.

– Ну это же очевидно, – говорит он. – Гребаные курицы станут нашей погибелью.

Лола приставляет палец к своей голове на манер пистолета и, притворяясь, в предсмертных судорогах падает на меня. Ее волосы скользят по моей ладони и голой коже ниже рукава футболки, и это впервые, когда я не борюсь с желанием к ней прикоснуться. Накрыв рукой ее голову, я веду ею вниз, пропуская волосы через пальцы.

Приподняв голову, она смотрит на меня.

– А Оливер стопудово пьян, – объявляет неразборчиво она, и, кажется, я единственный ее слышу.

– Почему это? – спрашиваю я. Моя улыбка в ответ – это что-то подсознательное. Инстинктивная реакция на ее близость.

– Потому что ты прикасаешься ко мне, – чуть тише говорит она.

Я немного отклоняюсь, чтобы лучше видеть ее лицо:

– Я часто к тебе прикасаюсь.

Она медленно качает головой, потираясь о мою руку, после чего поднимается и садится, опираясь на спинку.

– Как приятель. А сейчас как любовник.

Моя кровь превратилась в ртуть. Если бы она только знала…

– Как любовник?

– Ага. – Она выглядит усталой, и глаза закрываются.

– Прости тогда, Сладкая Лола. – Я откидываю ее челку со лба.

Она снова резко мотает головой:

– Не извиняйся. Ты – мой герой.

Я смеюсь, но она неожиданно резко выпрямляется:

– Я серьезно. Что бы я сейчас без тебя делала? – Она показывает на Харлоу, потом на Миа: – Одна замужем, другая – тоже.

По-видимому, услышав нас, Лондон наклоняется вперед:

– А я вот нет.

– Ты нет, – пьяно расплываясь в улыбке, соглашается Лола. – Но ты постоянно соришь. Или занята в баре. Или же отшиваешь мужиков.

Джо согласно кивает, и Лондон слегка шлепает его по груди.

– Поэтому Оливер – мой герой, – говорит Лола и поворачивается ко мне. – Я могу на тебя опереться. Ты мой угомонитель.

Потом она хмурится и поправляет себя:

– Успокоитель?

– Усилитель, – шепчу я.

– Точно, – щелкнув пальцами, кивает она. – Он. – Лола понижает голос и наклоняется ближе. Так близко, что мое сердце, как сумасшедшее, начинает биться в горле: – Ты никогда меня не оставишь.

– Не оставлю, – подтверждаю я. Черт, да я и не смогу. Я бы хотел обнять ее и унести подальше, защищая от всех лживых и жадных людей, которых ей еще суждено повстречать.

– Не смей, – предупреждает она, держа подрагивающий от выпитого палец у моего лица.

Я наклоняюсь и прикусываю его кончик, и ее глаза округляются.

– Не посмею, – не выпуская пальца из зубов, произношу я, и, мать вашу, до чего же я хочу наклониться еще ниже и прикусить ее губы.

Глава 3

Лола

Пока не выпью кофе, я – самый настоящий зомби, особенно после ночи шотов, празднования и черт знает чего еще. Я даже не помню, как добралась домой из бара, поэтому не до конца поверила своим глазам, когда в 7 утра увидела на своем диване спящего Оливера.

Высокий, он неуклюже распластался, неудобно согнувшись. Одна его нога лежит на полу, вторая упирается в конец дивана. Футболка задралась до ребер, обнажив плоский живот с темной полоской волос посередине. Ноги расслаблены, руки и шея под таким углом, что явно будут болеть, когда он проснется…

Он действительно здесь и выглядит потрясающе.

Это не первый раз, когда он у меня после попойки. Отсюда до его магазина всего несколько кварталов, и мы дали Оливеру ключ на случай, если понадобится нас впустить, починить протекающий кран или зайти перекусить. За те восемь месяцев, что я его знаю, он спал тут дважды: один раз, когда торжественное открытие продлилось допоздна и он едва смог добраться до нас, не то что до дома. И ушел, прежде чем я проснулась. А другой – когда после закрытия магазина мы выпили слишком много, чтобы кто-либо был в состоянии вести машину. Правда, тогда это был клубок из наших спотыкающихся и рухнувших на первую попавшуюся мягкую поверхность тел.

Лондон уже проснулась и ушла на пляж с доской, скорее всего. И я еще никогда не была так рада обнаружить его здесь без никого. Для меня самой не новость, что я веду себя как маньячка: пялюсь на него спящего и потом сделаю все возможное, чтобы отругать себя за это. Но сейчас мне просто нравится видеть его с утра. Наслаждаться им.

Я знаю, это всего лишь вопрос времени, когда Оливер отойдет от стресса из-за открытия магазина и сможет сосредоточиться на других областях своей жизни… Например, пригласить кого-нибудь на свидание. Ту же Хард-рок Эллисон. Ей-богу, вокруг него в магазине всегда крутится толпа девиц в надежде, что владелец их заметит. И как бы мне не было неприятно, знаю, что рано или

поздно это произойдет. Меня тоже полностью отвлекает собственная карьера, и все эти разъезды помогают не обращать внимания на то, как сильно он мне нравится. Позволяют брать все, что я могу сейчас взять.

Но в эти последние несколько недель даже со всем сводящим меня с ума я словно вышла из тумана. Я вынуждена признаться самой себе, что хочу его. А вчера вечером мы флиртовали больше, чем когда-либо. В груди тревожно шевельнулись воспоминания.

Когда мы познакомились в Вегасе, он был хорош и интересен, и у него был самый сексуальный акцент, который я когда-либо слышала, но тогда я его еще не знала. Он меня не захотел? Переживу. Но то, как я проводила с ним время – практически все мое свободное, если уж честно, – и видела, как прекрасно он вписался в мою жизнь, превратило мое еле заметное желание в большую ноющую боль. Теперь я узнала его, но не его сердце. Так – еще нет. А в последнее время… захотела. Захотела сказать ему: Дай мне неделю. Неделю тебя, твоих губ и смеха у меня в постели. Просто неделю, и тогда я буду в порядке.

Конечно же, это не правда. И даже несмотря на то, что он меня никогда не целовал, не считая быстрого мягкого поцелуя на нашей псевдосвадьбе, я знаю: мне было бы гораздо хуже, если бы он остался здесь на неделю и потом ушел. После этого мое сердце станет бесформенным, как растянутый от большого тела шерстяной свитер. Хотя кто знает, может быть, оно и до встречи с Оливером было деформированным. Но в отличие от моих прошлых бойфрендов (с кем-то я встречалась пару недель, с кем-то месяц) Оливер, кажется, не станет давить на мои слабые места, желая знать обо мне все подробности. Вместо этого он просто принимает все, что я ему скажу.

Может, именно поэтому у нас такие близкие отношения, ведь у меня еще не было шанса их разрушить, закрывшись именно в тот момент, когда необходимы открытость и близость.

В ту ночь, когда наши лучшие друзья своими либидо крушили стены спинками кроватей в номерах в Вегасе, мы с Оливером гуляли по Стрипу и разговаривали о работе. О писательстве и иллюстрации, о женских образах в комиксах, о книгах, которые сейчас читаем. Говорили о «Рэйзоре» и буквально пару слов о его магазине – я даже не знала, что он переезжает в Сан-Диего.

С ним так легко. Это похоже на тонкий вкус какого-то восхитительного лакомства, которое я хочу продолжать есть, пока не лопну. Где-то посреди хаоса, царящего на Стрипе, я набралась смелости, чтобы остановить его на полушаге и, взяв за руку, развернуть лицом к себе.

– Наши номера, наверное, заняты, – начала я, глядя на его подбородок, после чего заставила себя встретиться с ним взглядом.

Он улыбнулся, и я впервые обратила внимание на то, какие у него идеальные зубы – ровные и белоснежные, с заостренными клыками, что делало его почти похожим на волка, какие гладкие губы и насколько голубые глаза за стеклами очков.

– Наверное.

– Но мы можем… – Я замолчала, переведя взгляд в сторону.

Он ждал, следя за мной, и его глаза не выдавали, что он знал, какое именно предложение я собираюсь ему сделать.

Собрав все свое мужество, я посмотрела на него:

– Мы могли бы снять номер на эту ночь, если ты хочешь. Для нас двоих.

Выражение его лица осталось совершенно таким же – удивительный покер-фейс Оливера включал в себя милую улыбку и неосуждающий мягкий взгляд, – и он очень вежливо отказался.

Я почувствовала себя униженной, но в конечном счете справилась с этим, и с тех пор мы эту тему больше не поднимали.

Позже, когда я обнаружила, что он сюда переехал и что помимо общих друзей у нас есть общая страсть к комиксам, мы часто виделись, и осадок от того отказа исчез. На его место пришла своего рода идеальная дружба.

Оливер никогда меня не осуждает, не высмеивает, не давит. Он не бывает против моего молчаливого настроения, когда все, что я хочу делать, – это

склониться над листом бумаги и рисовать. Он не возражает, когда я, фанатея от чего-то, болтаю об этом целый час. Оливер ненавязчиво честен, когда я рассказываю ему о новых сюжетных линиях. Он часто включает для меня странную музыку и заставляет сидеть и слушать, потому что, даже если мне не нравится, он хочет дать мне понять, почему ему да. Он может говорить о чем угодно, начиная от «Вероники Марс» и «Гена 13» и заканчивая NPR[11 - National Public Radio – некоммерческая организация, собирает и распространяет новости с радиостанций США.] и ремонтом автомобилей. Или же он может просто молчать, что я тоже люблю. Он отличный слушатель, он забавный, добрый. Целиком принадлежит себе, и его природная уверенность в себе – лишь часть того, что делает его совершенно неотразимым. А тот факт, что он высокий, великолепный, с самой потрясающей улыбкой на свете, – практически контрольный в голову.

Спустя два месяца после нашего брака и аннулирования я привела его познакомиться со своим папой Грегом. Тем вечером после куриного барбекю и чипсов с сальсой, пока я на заднем дворе пыталась масляными красками запечатлеть закат, Оливеру поведали о моей жизни.

Когда мне было двенадцать, папа вернулся домой из своей третьей поездки в Афганистан. Он был в совершеннейшем раздрае: прошел путь от талантливого медбрата к отправленному с честью в отставку ветерану, страдающему бессонницей и прячущему на кухне оксикотин[12 - Обезболивающее, схожее с героином и опиумом.]. Не вытерпев и месяца, мама ушла посреди ночи, даже не попрощавшись. Ни с кем из нас.

Сначала я пыталась собрать папу по кускам, потом он меня, и так прошло несколько лет, прежде чем мы поняли, что каждый должен сам нести свою ношу. Некоторое время все было плохо, но потом стало улучшаться, и сейчас мои отношения с отцом – это самое светлое, что у меня есть. Я рассказываю ему обо всех своих мыслях, независимо от того, насколько они незначительные. Благодаря этому я могу держаться молодцом. Я бы предпочла больше никогда не видеть солнце, нежели его.

Я никогда не догадывалась, что именно рассказал Оливеру папа, но после того вечера вместо расспросов Оливер просто сложил все услышанное в воображаемый ящичек Лолы и оставил там. Иногда в разговорах всплывали мелкие детали – те, что до сих пор знали только Миа и Харлоу и которые давали понять, что он знал куда больше, нежели я ему говорила.

Когда все это случилось в моей жизни, рядом были Миа и Харлоу, ведь мне никогда бы не справиться в одиночку. Но, если и существовал кто-то, про кого я хотела, чтобы он знал меня лучше всех, это Оливер.

Месяц назад после нескольких бутылок пива я наконец спросила его:

– Как много тебе папа рассказал обо мне?

Он замер, держа бутылку у губ, после чего медленно поставил ее обратно:

– Он рассказал мне свою версию. От твоего детства до взрослых лет.

– Хотел бы ты услышать мою?

Повернувшись ко мне, Оливер кивнул:

– Конечно, хочу. Когда-нибудь. Когда угодно и все, что захочешь рассказать.

Тем вечером я чуть было его не поцеловала, чуть было не осмелела, потому что, когда я ответила, что хочу услышать и о нем, он выглядел настолько благодарным, настолько полным тем, что на моем лице называлось бы любовью. И тогда в первый и единственный раз я подумала: «А что, если он так же сильно увлечен мной, как и я им?» Но мне пришлось разрушить момент, опустив взгляд на стол. Когда я снова посмотрела на него, у него на лице красовался фирменный покер-фейс и он сменил тему разговора.

Я вспоминаю сейчас обо всем этом, наблюдая, как он спит. При этом желая, чтобы проснулся и можно будет смолоть кофе. Но мой телефон делает это вместо меня, горланя на столе на максимальной громкости рингтоном Бенни.

– Алло? – Я отвечаю так быстро, как только могу, едва не уронив телефон.

От звука Оливер резко садится, ошалело озираясь вокруг. Я машу ему рукой из кухни, и он, увидев меня, расслабляется. Потирает лицо и смотрит на меня с неприкрытой нежностью.

Он так же смотрел на меня тем вечером в баре месяц назад. Слегка приоткрыв рот и прищурившись без очков. Его улыбка как появившееся из-за облаков солнце.

– Привет, – хриплым ото сна голосом говорит он.

– Лола, это Бенни, – раздается в трубке голос Бенни. – У меня тут Анджела на второй линии.

– Да? – бормочу я, не отводя взгляда от лица Оливера. Я вижу, как его облегчение и счастье сменяются легким смущением, когда он огладывает комнату.

Он садится, опираясь локтями на бедра и опустив голову на руки:

– Ох, черт, моя голова.

Харлоу однажды сказала, что по тому, как на тебя смотрит человек, если видит тебя сразу же, проснувшись с утра, можно понять, какие чувства он к тебе питает. Опустив глаза, я провожу ногтем по столу, стараясь никак не интерпретировать утренний взгляд Оливера.

– Сейчас рано, и я прощу прощения, – говорит Анджела. – Ты как?

– В докофейном настроении, – отвечаю я. – И не на многое гожусь.

Оливер хохочет надо мной, сидя на диване, а Анджела в трубке смеется чуть менее искренне. Я включаю громкую связь, чтобы ему было слышно.

– Что ж, – продолжает Анджела, – вчера был большой день, а сегодня выходит пресс-релиз.

– От меня что-нибудь требуется? – спрашиваю я.

– Ничего, кроме того, чтобы ты была готова. Я не хочу, чтобы ты сегодня отвечала на какие-либо вопросы. Это наша работа. Позже мы пришлем тебе текст для соцсетей. Еще мы организовали несколько интервью. И все, что мне

сейчас нужно, – чтобы ты была в курсе, что это означает.

Оливер наблюдает за мной из гостиной, нарочито выпучив глаза.

– Хорошо. – Я улыбаюсь. Я благодарна, что он здесь и слышит это из первых уст вместе со мной.

Анджела сейчас говорит чертовски серьезно. И я чувствую, что мне нужен очевидец.

– Это означает, что тебя начнут узнавать.

Оливер выглядит преувеличенно шокированным, и я подавляю смешок. В последние десять недель книга находилась в тройке лучших графических романов в списке «Нью-Йорк Таймс». Но пока моя жизнь несильно изменилась, если не считать появившихся поездок на автограф-сессии и нескольких мероприятий. Очевидно, мы оба серьезно сомневались, что наш район станет объектом паломничества для папарацци.

– Возможно, будут фотографировать и ходить по пятам, – продолжает Анджела. – Будут задавать по сотне раз одни и те же вопросы, и нужно делать вид, словно ты слышишь их впервые, и на каждый придется отвечать. Еще это означает, что ты не сможешь контролировать, что о тебе пишут. Это понятно?

Я киваю, по-прежнему не отводя глаз от смешливого взгляда Оливера, но, вспомнив, что они меня не видят, отвечаю да.

– Ты будешь великолепна, – обнадеживает Бенни. – Это фантастика, Лола.

– Так и есть, – с писком выдаю я. Знаю, Харлоу никогда не понять это мое настроение, но мне действительно хочется спрятаться и переждать в своей писательской пещерке, пока все не закончится, чтобы потом в парике и солнечных очках пойти на премьеру.

Все нормально. Я в порядке.

– Хорошо, – говорит Анджела. – В течение часа это появится на Variety[13 - Еженедельный журнал о событиях шоу-бизнеса.]. Наслаждайся моментом, Лола. Он твой.

Похоже, что разговор подошел к концу, но на заднем плане я слышу уже знакомый грохот стеклянной двери и приглушенный мужской голос, рычащий: «Ну что за херня».

Анджела прокашливается:

– А, это Остин! Он хотел сказать пару слов.

– Ладно, – соглашаюсь я. Встав с дивана, Оливер идет на кухню.

– Лола! – кричит Остин, и я радуюсь, что у меня включена громкая связь, иначе бы оглохла.

– Доброе утро, – говорю я и слегка шлепаю Оливера по носу, чтобы отвлечь его внимание от телефона, на который он сурово уставился.

– Слушай-ка, у меня в пять встреча, – сообщает Остин, – и я просто хотел поздороваться, но вот о чем подумал вчера вечером: что, если Рэйзор будет не из параллельного мира, а вообще с другой планеты?

Я часто моргаю, а мои мысли останавливаются на полном ходу.

Глаза Оливера округляются, и он беззвучно произносит: «Какого хрена?»

– Прости. – Я мотаю головой, чтобы прийти в себя. – Пришелец? С Марса, что ли?

– Ну, детали можно продумать по ходу, – как ни в чем не бывало заявляет Остин. – Просто, думаю, американцам легче понять инопланетянина, нежели обитателя параллельного мира.

– Но «Доктор Кто» – крутой. – Это все, что я могу возразить.

– Его делали BBC.

– То есть британцы умнее?

Он смеется, полагая, что мой вопрос риторический.

– М-да? Ну просто подумай об этом. Полагаю, мы запросто все можем поменять, и это не будет сильно влиять на сюжет, а просто сделает его более доступным.

Кивнув, я снова соображаю, что он меня не видит:

– Ладно, я подумаю над этим.

– Превосходно! – горланит он. – Поболтаем позже, Лолс!

Трижды гуднув, мой телефон дает понять, что разговор окончен, и я осторожно откладываю его в сторону.

Скрестив руки на груди, Оливер опирается на раковину.

– «Лолс»?

Мои брови вздымаются практически до самого потолка.

– Мы что, начнем с этого?

Он смеется и медленно качает головой:

– Не уверен, что кто-то из нас жаждет начать с марсиан.

Подойдя к холодильнику, я достаю пачку кофе в зернах.

– Я. – Я поворачиваюсь, высыпаю зерна в кофемолку и беспомощно слежу, как та с грохотом их перемалывает.

Мой мозг как каша, сердце ухнуло вниз, а легкие, кажется, просто сдались и сдулись.

Выключив кофемолку, я говорю:

– Не знаю, что и сказать. Марсианин. Натуральный марсианин. Это ведь не серьезное предложение, а? Ну то есть Рэйзор и другие многоперовые[14 - Семейство пресноводных рыб, по-видимому, родственники Рэйзора.] появились в четвертом измерении, но они такие же земляне, как и мы, просто… иные. В альтернативном времени в альтернативных обстоятельствах. – Схватившись за голову, я стараюсь не запаниковать, а потому смотрю в его ярко-голубые глаза: «Весь смысл того, кто он такой, что он представитель параллельной эволюционной ветви. Но здесь. На Земле. Единственная причина, почему ему есть дело до Куинн и ее проблем, – потому что Земля и его планета тоже. Просто немного иная ее версия.

Я знаю, что для Оливера это не новость, но еще раз проговорить это – такое облегчение. Иначе я слечу с катушек.

– Ты можешь не согласиться, Лола, – советует он. – Хочу сказать на всякий случай, что не согласен с Остином. Сюжетная линия становится слишком навороченной.

– Я думала, мы будем обсуждать более мелкие детали, – замечаю я. – Например, навыки боя Куинн один на один и ее первая схватка, или как Рэйзор с отрядом шиншилловых пришел ей на помощь.

Оливер пожимает плечами и крутит ложку по поверхности стола:

– Ну да, я тоже.

– Еще этот пресс-релиз… – Я качаю головой и высыпаю молотый кофе в кофеварку. – Если ты не против, я спрячусь сегодня в магазине.

– Думаю, магазин не самое удачное место, чтобы спрятаться, Сладкая Лола.

Я киваю, обожая, когда он так меня называет. Его «о» всегда получается таким волнующим, и ничто так не поднимает мое настроение, как звук его голоса.

– Есть хочешь?

Нырнув рукой под футболку, он почесывает живот, и мое сердце бомбой падает к ногам.

– Умираю от голода, – пожав плечами, отвечает он.

Махнув рукой в сторону тарелки с фруктами на столе, я достаю из шкафа над холодильником Rice Krispies[15 - Рисовые хлопья.], потому что знаю, он их любит. Он уже рядом со мной и достает из холодильника молоко.

– Я живу в мирке, где мне присылают копии релизов для соцсетей, – сообщаю я. – Наверное, пора уже завести, а?

Он смеется, очищая банан:

– Пусть Джо ведет твой Твиттер. У него неплохо получится.

Я изумленно таращусь на него.

– Он будет постить членофотки.

Оливер пожимает плечами, будто говоря «так и есть», после чего делает паузу, уставившись на меня.

– Что? – интересуюсь я.

– Да ничего. – Он кивком показывает на фрукт в своей руке. – Просто я теперь не знаю, куда смотреть, когда ем банан. Знаешь, зрительный контакт и все такое. Не хочу наводить на мысли.

– Да уж, особенное после обсуждения членофоток Не-Джо.

Он морщится, кладет банан в сторону и насыпает в миску хлопья:

– Передай мне нож.

Хихикая, я хватаю один, и он закатывает глаза. Каждый раз, когда он произносит «нож», я ничего не могу с собой поделать. Это один из тех немногих случаев, когда он говорит прямо как Пол Хоган[16 - Австралийский актер, сыгравший в фильме «Крокодил Данди».].

– Ты на самом деле думаешь, люди будут меня узнавать? – покусывая ноготь на большом пальце, спрашиваю я.

Я сейчас ни капли не готова столкнуться лицом к лицу с идеей, что Рэйзор – марсианин, поэтому, как ни странно, проще сосредоточиться на публичной стороне происходящего.

Оливер смотрит на меня, изучая мое лицо. Знаю, о чем он думает, когда его глаза опускаются на мой пирсинг в губе: я несильно скрываюсь от людей.

– Разве они иногда не узнают?

– Только фанаты, и только дважды.

– Ну теперь их явно будет больше, – с невозмутимым спокойствием говорит он. Порой мне хочется поместить его в клетку со львом и измерить кровяное давление.

– Меня от этого мутит, Оливер, будто мне теперь нужно надевать на голову пакет.

Он смеется и качает головой:

– Да ладно тебе, Лола. Давай не драматизируй. Ты всегда так грациозна и вежлива. Почему ты думаешь, что тебе будет трудно?

– Это не так, – шепчу я.

Продолжая смотреть на меня, он слегка качнул головой.

– Иногда мне хочется заново с тобой познакомиться, – нарезая банан поверх хлопьев, признается он. – И уделить больше внимания.

Мое сердце катапультой отправляется в горло.

– И что это значит?

– Это значит именно то, что я сказал. – Он перемешивает смесь в тарелке. – Ты чертовски потрясающая. Я хочу встретиться с тобой в первый раз снова. И хочу, что он был другим: только мы с тобой, вот как сейчас.

– С хлопьями и кофе вместо Стрипа в Вегасе?

Оливер встречается со мной глазами, и я знаю – просто знаю, и все, – что он вспомнил мое неуклюжее предложение. Я наблюдаю, как он ищет нужные слова.

– Я просто говорю о ситуации, где никто не чувствует себя под давлением.

– Я не виню тебя за ту ночь, – перебиваю я. Мне нужно отделить сам момент от неприятного чувства. – Это было верное решение.

Он удерживает мой взгляд чуть дольше, после чего, слегка улыбнувшись, приступает к еде.

Я опираюсь на стойку, попивая свой долгожданный нектар богов, и наблюдаю, как Оливер ест. Можно сказать, что он худощавый: длинные линии, стройный, размахивает руками при ходьбе, весь состоит из острых углов. Но, кроме того, он сильный. Прекрасно вылепленные мышцы бицепсов и плеч. Широкая грудь, переходящая в узкую талию. Я могла бы нарисовать его, думаю я. Я могла бы нарисовать его и даже сама удивляюсь тому, что вижу.

– О чем задумалась? – с полным ртом хлопьев спрашивает он. – Ты так уставилась на меня, будто удивлена, что у меня есть руки.

– Я подумала – а что, если я тебя нарисую?

Чувствую, как мои глаза округляются. Я совершенно не собиралась говорить это вслух, и мы оба это знаем. Оливер застыл так же, как и кровь в моих венах. Он смотрит на меня, словно ждет моих объяснений, но я не в состоянии вымолвить ни слова. Когда я нервничаю, в моем мозгу что-то отключается, словно захлопывается дверь.

Идут минуты, и все, что я слышу, – это собственный пульс и звуки ложки и тарелки Оливера. Нам не в новинку быть в тишине, но сейчас это слишком тяжело.

– Так, значит, хочешь?

Я поднимаю взгляд на его лицо:

– Чего хочу?

Он берет ложку рисовых хлопьев, жует и глотает:

– Нарисовать меня.

Мое сердце расширяется,

расширяется,

расширяется —

и взрывается.

– В этом нет ничего такого, Лола. Ты художник. А я осознаю, что я немного полубог. – Он подмигивает и наклоняется, чтобы зачерпнуть еще ложку хлопьев с молоком.

Хочу ли я нарисовать его? Черт, да, и давайте уж начистоту: я делаю это постоянно. Но обычно по памяти, и по крайней мере он не в курсе, что я его рисую. А идея беспрепятственного визуального доступа к этому лицу, к этим рукам, жилистым предплечьям и широким плечам…

– Хорошо, – почти пищу я.

Он смотрит на меня, немного приподняв брови, как бы спрашивая: «Ну и?» И прежде чем успеваю это обдумать, я выхожу и несусь в свою спальню, копаюсь на столе и нахожу большой блокнот и угольные карандаши. Я слышу, как он поставил тарелку в раковину и включил воду, чтобы вымыть ее.

В моей голове каша, связные мысли исчезли напрочь. Я понятия не имею, что сейчас делаю, но если Оливер хочет, чтобы я его нарисовала… блин, да. Я заполню эскизами весь этот чертов блокнот.

Бегу назад в гостиную и чуть не падаю, поскользнувшись на деревянном полу в своих носках и успев схватиться за стену как раз в тот момент, когда Оливер, стоя ко мне спиной, смотрит в огромные мансардные окна. Он тянется рукой за спину и снимает футболку через голову.

О.

О-о-о.

– Ох, – тяжело вздыхаю я.

Он резко разворачивается и смотрит на меня, выражение его лица становится подавленным.

– Мы так не будем? О боже, мы же не будем так. Только лицо и все такое. – Прижав футболку к телу, он добавляет: – Твою мать.

– Все в порядке, – наконец выдаю я, уставившись на карандаш в своей руке, будто проверяя, хорошо ли тот заточен. Я смотрю на него так пристально, что уже могла бы поломать его силой взгляда. Оливер. Без футболки. У меня в гостиной. – Это совершенно нормально, я имею в виду, это очень даже хорошо – нарисовать тебя без футболки, потому что так я смогу больше сосредоточиться на деталях мышц, волос и… – Я прокашливаюсь: – И прочем.

Он отбрасывает футболку и смотрит на меня, словно хочет убедиться, что я уверена:

– Ладно.

Я сажусь на диван и впиваюсь взглядом в него, стоящего у окна. Он смотрит куда-то вдаль, совершенно спокоен. Не то что я, ощущающая, что мое сердце вот-вот выскочит через горло. Дольше, чем должна бы, я трачу время на его грудь, на ее очертания: идеальные круглые маленькие соски; карта мышц, состоящая из квадратов, прямоугольников, стремительных линий и острых углов. Треугольник, где его тазовые кости встречаются с мышцами. Я чувствую, как он смотрит на меня, когда я рисую полоску темных волос ниже его пупка.

– Мне снять джинсы?

– Да, – не подумав, отвечаю я и тут же вскрикиваю: – Нет! Нет. Господи боже, так нормально.

Мое сердце еще никогда не грохотало так тяжело.

Он выдает кривоватую полуулыбку. Мне не жаль потратить и год, чтобы воспроизвести на рисунке точную форму его губ в этот момент.

– Я действительно не против, – тихо говорит он.

Дьявол на моем плече говорит мне: «Давай! Соглашайся. Твой геометрический стиль будет неполным без изображения его ног. Это поможет».

Ангел же просто пожимает плечами и смотрит куда-то в сторону.

– Если ты уверен, – говорю я, затем, откашлявшись, поясняю: – Ты же знаешь, мне не очень удаются ноги и…

Уже расстегнув одну пуговицу ширинки, он стягивает ткань вниз, одновременно с этим я слышу легкие щелчки расстегивающихся остальных пуговиц.

Для нашей дружбы было бы правильнее, отведи я взгляд, но я не могу.

– Лола?

Мне стоит титанических усилий перевести взгляд на его лицо: «Да?»

Ничего не отвечая, он удерживает мой взгляд, стаскивает джинсы с бедер и отпихивает их в сторону.

– Да? – повторяю я. Я дышу слишком тяжело. Должно быть, это заметно.

Сейчас все по-другому. Сегодня утром произошло нечто, вышедшее за рамки обычных Лола + Оливер. Ощущение, будто мы шагнули через порог Страны Чудес.

– Как ты хочешь?

– Хочу…

– Чтобы я встал.

– О-о. – Я откашливаюсь. – Прямо здесь будет хорошо.

– Я не пересвечен?

Есть немного, но я не доверяю сейчас сама себе, чтобы попросить его куда-нибудь передвинуться.

– Я могу и сесть, – предлагает он.

– Лучше просто ложись или. – Я резко останавливаюсь, когда до меня доходит, что я сказала. Вот дерьмо. Или сядь. Сидя будет прекрасно. В общем, как угодно.

С легкой загадочной улыбкой он идет к ковру в центре комнаты и ложится посередине огромного солнечного луча.

На панно изображена девушка, смотрящая на парня, и ее кожу ласкают языки голубого пламени.

Скрестив ноги в лодыжках, Оливер складывает руки за головой и закрывает глаза.

Член.

ЕГО ЧЛЕН.

Это все, что я могу видеть.

Он там, под его боксерами, наполовину твердый и, очевидно, не обрезанный; он как продолжение линии его бедра.

Господи боже мой.

Он большой. И если станет тверже, то может выбить женщине все зубы, когда он трахнет ее рот.

Я склоняю голову, а моя рука зависает над бумагой. Почему он почти твердый? Такие мужские штуки случаются всякий раз, когда их рисуют? Вероятно, так. А каково это – потрясающе или дико неловко?

Думаю, у Оливера первый вариант, потому что вы только посмотрите на него, ну то есть я имею в виду его самого. Оливера, конечно.

– Лола? Ты в порядке?

Точно. Ему ведь слышно, когда я не рисую. Я усаживаюсь на диване поудобнее и начинаю порывисто прорисовывать каждую деталь его тела: темные волоски на ногах, лепнину мышцы бедер, глубокие бороздки у бедер и да, его очертания под тканью боксеров.

Я изрисовала десятки страниц, чтобы ухватить каждый штрих и позже выполнить в цвете. Мои руки перепачкались углем, а пальцы онемели от быстрой и напряженной работы.

– Перевернись на живот, – прошу я.

Он делает, как я сказала, и я успеваю поймать момент, как напрягаются мышцы его бедер, когда он резко приземляется на ковер. – с инстинктивным выпадом вперед.

Каждый мускул в моем теле сжимается в ответ: умоляющее желание улететь за пределы Галактики.

Слева я замечаю шрам, пересекающий несколько ребер.

– Что это за шрам?

– Упал с велосипеда в ту первую поездку, – бормочет он, имея в виду «Разъезжай и Сооружай», когда он познакомился с Анселем и Финном и они вместе колесили по Штатам и строили по пути дома для малообеспеченных семей.

Шрам довольно большой – четыре сантиметра шириной и где-то с десяток длиной. И мне интересно, как долго Оливер восстанавливался после такого.

– Я даже не знала о твоем падении. И чем ты занимался, если не мог садиться на велосипед и заниматься строительством?

Он пожимает плечами и укладывает поудобнее лежащую на руках голову, а я поражаюсь, насколько ему легко в собственном теле.

– Мне наложили швы, и я взял пару дней отлежаться. Это не так страшно, выглядит куда хуже.

Я согласно мычу, слушая его рассказ и работая над кривой линией его икроножной мышцы, аркой стопы и выступающей косточки на лодыжке.

– В Канберре нет особых косогоров, – продолжает он, – и мы ездили на велосипедах повсюду. Этот город идеальный для этого. Удобные маршруты. Хорошие дороги. И хотя я привык ездить, мои друзья были настоящими идиотами, и из-за их идей мы все много раз падали.

Я люблю его голос и растворяюсь в нем, пока рисую его позвонки. Люблю изгиб линии роста волос у него над ушами и тень щетины на его челюсти. Одно дело –

видеть все это, и совсем другое – касаться его, узнать руками так же хорошо, как я знаю его при помощи зрения.

Вся моя жизнь сто?ит фантазий на этих страницах, и я убеждена: Оливер только что помог мне создать самый сексуальный комикс, какой я когда-либо видела.

Проведя по лбу тыльной стороной ладони, со вздохом я говорю:

– Кажется, хорошо получилось.

Оливер поворачивается на бок и облокачивается на локоть. Серьезно, это почти запредельно. На белом ковре в своих голубых боксерах он выглядит, будто позирует для Playgirl.

– Сколько времени? – спрашивает он.

Я бросаю взгляд на его трусы, то есть на ЧАСЫ, стоящие на коробке.

– 08:19. – Мне пора выбираться отсюда.

Он потягивается (мышцы подрагивают, кулаки сжаты) и в облегчении запрокидывает голову.

– Ты покажешь мне рисунки?

– Ни за что.

– Значит, там порно?

Я хохочу:

– Ты же в трусах.

– То есть да? Тогда я еще больше хочу их увидеть.

– Увидишь, – обещаю я. – Когда-нибудь. Я хочу добавить нотку несдержанности в свой следующий проект – Наклонив голову, я заправляю прядь волос за ухо: – Ты помог мне с кое-какими идеями. Спасибо.

Сейчас стало неловко? Вроде нет, но, может, я просто несильно догадливая. Это легко. Ощущается легко.

Поднявшись, он находит свои джинсы и начинает одеваться. А я прощаюсь с самым совершенным наполовину твердым членом, какой когда-либо видела.

– Просто по-дружески помог, – бормочет он. – Был рад.

– Спасибо тебе, – повторяю я.

– Рад, что как минимум немного тебя отвлек.

Я ловлю его взгляд, когда его голова появляется в горловине надетой футболки:

– Отвлек от чего?

Он смеется и подходит достаточно близко, чтобы, протянув руку, взъерошить мне волосы.

– Увидимся, Сладкая Лола.

Выйдя и квартиры, он направился к своему магазину, после чего я вспоминаю про марсианина Рэйзора и что в Variety уже разместили статью.

* * *

Бросив сумочку на диван, Харлоу усаживается напротив меня.

– Прости, что опоздала.

– Да ладно. Я заказала тебе «Цезарь». – Я оглядываюсь на вход в ресторан. – Ты без Финна? Думала, он прилетел вчера вечером.

– Ему пришлось остаться на неделю. Что-то стряслось не то с предохранителями, не то с панелью управления…

Харлоу делает вид, что падает на стол и засыпает.

– Я никак не могу отследить, где он бывает, – бормочу я, держа у губ стакан воды.

– Даю подсказку. Когда я выгляжу, как сейчас, – она показывает на свой макияж и отлично уложенные волосы, – это означает, что его здесь нет. Будь он утром тут, я выглядела бы измотанной и…

– Понятно. – Люблю свою девочку, но она большая любительница сказать лишнего.

– Так что там с вами, ребята, произошло после вчерашнего «Хеннесси»-вечера? У вас было непонятно, кто кого тащил домой.

Когда официантка принесла наши блюда, я отодвинулась и поблагодарила ее.

– Я не помню, как мы пришли домой, но Оливер остался на ночь, – когда официантка ушла, ответила я.

Не глядя в сторону Харлоу, пока это говорю, я подскакиваю, когда она шлепает ладонями по столу, привстав со своего места.

– Он что?

Несколько посетителей посмотрели на нас, и я зашипела:

– Он спал на чертовом диване. Может, уже усадишь свою задницу на стул?

Выражение ее лица вновь становится нейтральным, и она резко садится:

– Боже. Не делай это со мной.

– Не делать чего? – спрашиваю я. – Это же Оливер.

Она фыркает:

– Вот именно.

Я стараюсь понять выражение ее лица, но с тех пор как в ее жизни появился Финн, она лучше научилась держать язык за зубами, и хотя сейчас явно о чем-то думает, по ее лицу этого не понять.

– Ну ладно, если об этом… – начинаю я, и она наклоняется ближе, скрестив пальцы и опираясь предплечьями на стол, и ее две идеальные темно-рыжие брови с интересом приподнимаются.

Я не решаюсь выбрать, о чем ей сказать. Понятия не имею, на что похожа личная жизнь Оливера и чем именно он занят, когда не со мной, и спасибо тебе, Господи, за это. Большую часть дней мы проводим вместе, но не вечера. По количеству историй, которые Финн с Анселем рассказывали о том, каким был в прошлом Оливер, – при стандартном покер-фейсе присутствующего Оливера, я подозреваю, что он гораздо чаще меня выходит в люди, просто я никогда об этом не слышала. И приходится признать, что из-за презентаций книги, поездок и мероприятий свидания – это последнее, о чем я думаю в течение нескольких месяцев. А брак Харлоу и надвигающийся переезд в Штаты Анселя занимали большинство наших девчачьих разговоров.

Так что я на самом деле не рассказывала Харлоу и Миа о своем влечении к Оливеру. Он всегда был теплым безопасным местом, куда я могу прийти спасаться от стресса, и я с облегчением напоминала себе, что он тот, с кем я могу поговорить, к кому могу обратиться за помощью, когда все вокруг катится к чертям. Кроме того, мы с девочками знаем друг друга еще со школы, и за все эти годы я быстро усвоила, как быстро Харлоу рубит сплеча. У Оливера был шанс в Вегасе, которым он не воспользовался. А сейчас я не могу и представить себе, что он может заинтересоваться и осложнить нашу дружбу, тем более теперь, когда у нас так все хорошо. И я не хочу, чтобы Харлоу обиделась на него, поскольку он не отвечает взаимностью на мои чувства. Сила Харлоу может быть и ее слабостью: ее преданность выше всяких пределов.

Господи, все так сложно, когда вовлечены еще и друзья.

Но с выходом книги, с меньшим количеством поездок и с этим затишьем перед съемками фильма в моем разуме все чаще поселяются мысли об Оливере в сексуальном плане,

и сегодня утром я видела его почти голым,

и было заметно все, что нужно,

и он был не обрезан

а необрезанные члены – мой криптонит

а еще я слышала истории об оральных навыках Оливера, о которых трепались Финн с Анселем

и, черт меня побери, это сводит с ума.

Сидя напротив меня, Харлоу откашливается и нарочно громко кладет на стол свою вилку. Я поднимаю голову от своего рассеянного рисования на салфетке.

– Испытываешь мое терпение, подруга, – заявляет она.

Мне действительно пора обсудить это. А Харлоу поймет мою нерешительность – поймет же? – потому что она была рядом, когда у меня были те единственные и закончившиеся эпическим провалом отношения.

– Я уже говорила, что Оливер остался вчера, – начинаю я, – потому что, как оказалось… Я обнаружила, что он довольно привлекателен.

Харлоу наклоняется еще ниже, и я ее достаточно хорошо знаю, чтобы быть уверенной: сейчас она контролирует выражение своего лица.

– Даже сраный бесчувственный броненосец уже обнаружил бы, что Оливер Ло довольно привлекателен, Лола.

Я пожимаю плечами, а она так на меня смотрит, будто хочет вскрыть мою черепную коробку и прочитать мысли. Мне очень даже понятно ее желание. Но если честно, ей глубоко копать не надо, мои мысли тут, на поверхности. Единственное, что поверхность, возможно, твердая, как гранит.

– Думаешь, тебя Оливер тоже считает привлекательной? – бесстрастно спрашивает она, тыкая вилкой в латук.

Я снова пожимаю плечами.

– Вряд ли, ну то есть еще в Вегасе было очевидно, что он совершенно не заинтересован.

Она бормочет что-то похожее на «как же трудно не соваться» и отправляет кусок в рот.

– Никуда ты не суешься, – успокаиваю ее я, но она, избегая моего взгляда, таращится в потолок. – Харлоу, какого черта с тобой творится? – Перегнувшись через стол, я шлепаю ее по лбу: – Мне просто нужно с кем-нибудь поговорить. Вы обе с Миа замужем, Оливер вроде как мой приятель, а ты ведь знаешь, у меня всегда начинаются ужасные, просто чудовищные проблемы, как только парни становятся…

Харлоу возвращает на меня свой взгляд и, проглотив салат, говорит:

– Как только они становятся чем-то большим?

– Да. – Я накалываю спаржу на вилку. – Мы с Оливером видимся чуть ли не каждый день, но еще ни разу не обсуждали знакомства и свидания. В нашей с ним дружбе мы оба эту странную тему, кажется, активно избегаем. Возможно, не без причины.

– Стоит ли мне позвонить Финну? – рассеянно говорит она. – Да, мне стоит ему позвонить. Он напомнит мне держать свой гребаный рот на замке.

– Да не хочу я, чтобы ты держала его на замке! Моя дружба с Оливером, наверное, самая приятная в моей жизни.

Она смотрит на меня, сверкая глазами, и я смеюсь.

– Кроме вас с Миа. Просто я… – Я откладываю вилку. – Ты помнишь, как сильно меня ненавидел Броди даже спустя год после того, как мы расстались?

Смеясь, она кивает.

– А ведь вы были вместе сколько? Пару месяцев? Господи, случается же головная боль.

Я качаю головой.

– Не знаю… Он был хорошим парнем, и мы так долго дружили. Я по-прежнему не очень понимаю, что тогда произошло. Просто… все сдулось.

Я физически ощущаю на себе внимание Харлоу, после чего она переводит взгляд на свой ланч.

– И Джек, – добавляю я. – Ему я тоже была вынуждена сделать ручкой. – Харлоу хмыкает. – Харлоу, я серьезно.

– Ну ладно, колись, – говорит она, – ты сделала ему ручкой, да?

– Да не только ему, – застонав, когда она начинает хихикать, отвечаю я. – Сделала ручкой им всем.

Харлоу давится кусочком салата. Господи боже, я пытаюсь сказать, что облажалась, как и всегда. Еще я вечно говорю что-нибудь не то или молчу про нужное. Слишком занята либо слишком доступна – не важно, но что-нибудь обязательно происходит. От ее смеха трясутся плечи, когда она роняет голову на сложенные на столе руки.

Вздохнув, я цепляю на вилку кусок курицы и бормочу:

– Блин, хорош меня троллить.

Выпрямившись, она вытирает слезы длинными ухоженными пальцами.

– Просто хочу заметить, что ты не та, какой была в свои восемнадцать, девятнадцать и даже в двадцать лет. Вы с Оливером – хорошие друзья, к тому же оба довольно привлекательные. Все, теперь затыкаюсь.

– Сегодня утром я его рисовала, – призналась я. – Слушай, Харлядь, он был без рубашки и без джинсов.

Она метнула в меня взгляд, а я шепотом продолжаю:

– Он был…

– Без одежды, – недоверчиво уточняет она. – Оливер. В твоей квартире.

– Да! Я видела его практически голым, – киваю я. Нет никакого смысла рассказывать ей, что он сделал это, явно чтобы меня отвлечь, потому что ей тут же захочется узнать, от чего, а Харлоу не особенно разбирается в моих комиксных делах, кроме того что ей нравятся мышцы и шрамы Рэйзора. – Хотела бы я сказать, что было немного странно, но нет, ни капли. Он… хм. Он просто офигенный, и это все, что я могу сказать.

Харлоу драматически зажимает свой рот ладонью. Наклонившись к ней, я шепчу:

– Могу я поделиться секретом?

Взгляд моей лучшей подруги смягчается. Харлоу всегда делает вид, будто сделана из стали, но внутри она не такая. Она как зефирка.

– Ты можешь рассказать мне о чем угодно, Персик.

Глубоко вдохнув, я настраиваюсь признаться:

– Думаю, мне действительно нравится Оливер.

Снова уронив голову на сплетенные пальцы, Харлоу хохочет:

– Лола! Иногда ты настолько недогадливая, что больно смотреть.

Глава 4

Оливер

Я выхожу от лолы после завтрака и нашей приватной арт-сессии. Закрываю за собой дверь, и мне кажется, будто даже на свежем воздухе член не собирается успокаиваться. От воспоминаний ее в пижаме, пушистых носках и с пятнышками от угля на лбу и щеках, появившихся, когда она машинально убирала волосы от лица, мое сердце сжимается, и я безумно устал от стараний сдерживать эрекцию весь последний час.

Не совсем понимаю, что меня заставило так отреагировать на этот раз. Я уже видел, как она работает, и оставался спокойным. Амбиции Лолы громадны, и единственное, что мешает ей стать известной на весь чертов мир, – это то, как сильно она терпеть не может выползать на публику из своего творческого пространства. И самое главное, ее мысли больше заняты сюжетом «Рыбы Рэйзор», нежели чем-то еще, поэтому даже сама идея изменения решающей детали в книге… ее срыв уже лежит на поверхности.

И вот он я, лежал на полу в одних боксерах, чувствуя, как ее взгляд путешествовал по моему телу, будто языки пламени. И все, что я мог делать, – это вспоминать о велопоездках и подсчитывать в уме финансы, лишь бы не думать о том, как это может быть, если Лола поднимется с дивана и, раздвинув свои длинные стройные ноги, устроится на моих бедрах.

Близость ее квартиры к моему магазину была одновременно благословением и проклятием. В первые дни я приходил на работу до рассвета и уходил, когда уже давно были включены фонари, а все остальные магазины закрыты. И в какой-то момент после грандиозного открытия Лола вручила мне ключ от квартиры и настояла, чтобы я им пользовался. Уже не раз складывалось так, что проще было остаться у нее, нежели тащиться домой на Пасифик-бич. Но с Лолой с самого первого дня это был скользкий путь. Одна ее мимолетная улыбка, с которой она заходит в магазин, приводит к неконтролируемой моей, от уха до уха, когда я понимаю, что увижу ее и позже, у Фреда. А ее нежный взгляд

прикован к моему пристальному на ее молочно-белую кожу, блестящие черные волосы и безупречные изгибы. Если я не буду осторожным и не перестану у нее чересчур часто оставаться, то это войдет в привычку, и тогда я уже не успокоюсь, пока не найду способ каждую ночь засыпать рядом с ней – между ее простыней и бедрами.

Я сбегаю вниз по металлической лестнице, ведущей на Е-стрит, залитой ярким январским солнцем, и поднимаю голову вверх. Кислород. Мне нужен кислород. Я разминаю спину и делаю несколько глубоких вдохов и выдохов.

Бо?льшую часть дня я провожу, стараясь как следует себя занять, чтобы не воспроизводить снова в голове, как я проснулся, и она была первой, кого я увидел с утра: расслабленное лицо без капли макияжа, посверкивающий бриллиант над пухлыми и спелыми, как вишни, губами. У Лолы идеальная кожа; я не раз представлял себе, как буду искать веснушки или шрамы. Обычно расчесанные до блеска, ее волосы этим утром были спутаны с правой стороны, выдавая мне, как она спала. Она выглядела такой сонной, и мне хотелось перевести часы назад, чтобы, забравшись к ней в постель, целовать ее сочные раскрасневшиеся губы, пока она наконец не проснется, и, запустив пальцы в ее мягкие густые волосы, оказаться на ней.

Я фантазировал миллион раз и в сотнях вариаций, как мы спим голыми. Иногда я засыпаю сверху нее, и очень часто, когда я все еще в ней. Иногда мы снова начинаем двигаться, толком не проснувшись, и меня будят ее тихие стоны мне в ухо и теплые вздохи. А иногда мы занимаемся любовью до восхода солнца, потому что я люблю, чтобы утро началось с хорошего неторопливого секса.

Витая в облаках, я вытаскиваю из коробки стопку книг и ножом разрезаю картон, чтобы потом отправить на переработку. Сейчас в магазине тишина (Джо еще не пришел, и до обеденной суеты еще далеко), и в моем воображении без остановки крутятся картинки: бедра Лолы движутся в такт с моими, и она охрененно сексуальная. Она не сводит с меня глаз – благодарная за то, что я заставляю ее чувствовать себя такой, – и выглядит настолько дерзкой, что мне приходится изо всех сил постараться не кончить раньше ее. Когда в моих фантазиях Лола меня любит, она никогда не бывает скованной. И я чувствую, что сокрушительное напряжение внутри меня под стать выражению ее лица.

И это так всегда, каждая из фантазий. Однажды я подумал, это все фигня, что я трахаю ее у себя в голове чаще, чем разговариваю с ней. Но когда по пьяни

признался в этом Анселю, он, так же еле ворочая языком, настаивал на совершенно ином смысле: «Ну, во-первых, я был бы счастлив провести всю свою семейную жизнь с Миа голым в постели. Признаюсь тебе совершенно безо всяких сомнений».

– Понятное дело, – кивнул я.

– Но помимо этого, – продолжил он, – вы с Лолой все время общаетесь. Вы так близки, что у вас уже появился свой тайный язык. Секс между вами двумя, ребята, будет чем-то вроде духовного опыта. Все, что ты хочешь от нее услышать, она скажет без слов, когда вы наконец переспите.

Когда.

Его убежденность, что это лишь вопрос времени, попеременно то обнадеживает, то бесит. Более чем когда-либо мне хочется ему верить, но даже с этим рывком вперед в моей дружбе с ней – этим утром в частности – я все равно сомневаюсь.

Хотя позволить Лоле меня нарисовать – было одной из моих фантазий, о которой я до этого момента и не подозревал.

Это ощущалось откровеннее самого нежного поцелуя или горячего и дикого траха. Я просто лежал и позволял ей смотреть на меня. Мне не терпелось заглянуть в ее альбом посмотреть, как она изобразила каждую часть меня и какие именно части – если таковые были – она рисовала снова и снова.

По звукам от соприкосновения карандаша с бумагой я знал, когда она рисовала мои ноги – линии были явно длинными и с сильным нажимом. Они становились тише, когда она прорисовывала детали лица, и в эти моменты ее дыхание становилось поверхностным и частым. А по тому, как она перестала дышать, я понял, что она перешла к моему полутвердому члену – нервничая, но явно не желая останавливаться.

Это просто нервозность или что-то большее? Когда речь заходит о Лоле, я не могу точно сказать. Она смотрит на меня, как ни на кого другого, но это имеет смысл хотя бы потому, что я ее самый близкий друг-мужчина и осторожно и намеренно взращиваю ее доверие. Доверие – ключ к Лоле. Она вмиг закрывается, если чувствует на себе пристальное внимание, и замолкает при

малейшем давлении.

Но это тонкий и медленный процесс, а я, к сожалению, хочу секса, а если конкретнее – той интимности, что приходит вместе с ним. И правда заключается в том, что если не с Лолой, то мне стоит искать это с кем-то еще. В такие моменты в памяти всплывают бесконечные лекции Финна и Анселя, и я думаю, что, может, мне пора прислушаться к их советам: сохранить телефоны, которые мне вручали в магазине фанатки, как их называет Лола, или ответить согласием, когда приглашают на кофе… Или даже принять прямое предложение по-быстрому перепихнуться в кладовке.

Телефон звонит знакомым рингтоном, и я резко хватаю его со стола. Это СМС от Лолы.

«Поужинаем сегодня?»

Ничего особенного, но мое сердце срывается в галоп.

«Конечно, – пишу я. – Где?»

«Сегодня у меня будет очень длинный день, так что, может, просто зависнем у тебя?»

Я начинаю набирать еще одно «Конечно», когда приходит сообщение:

«Моему беспокойному мозгу нужно побольше Оливера».

Квартира Лолы иногда похожа на хаос. Когда Лондон дома, то врубает музыку на полную; в отсутствие Финна в городе Харлоу обычно становится слишком много, она больше стихийное бедствие, чем женщина. Добавить туда еще Анселя с Миа, и я удивляюсь, как еще до сих пор никто не вызвал полицию. В дополнение к нашим очевидным сходствам Лоле все же время от времени нужна тишина. Не только для работы, но и чтобы просто дышать. Это одна из причин, почему нам с самого начала было так хорошо вместе и почему мы по-прежнему проводим столько времени наедине.

Но обычно мы не встречаемся у меня, где нет ни соседей по квартире, ни соседей за стеной. Конечно, бывали случаи, но не после того, как я погладил ее по волосам в баре, а потом ночевал на ее диване. И не после того, как она рисовала меня и мой член.

Пребывая в неуверенности и напряжении, я отправляю свое «конечно».

* * *

Я в патио делаю соус к ребрышкам барбекю, когда слышу доносящийся из дома голос Лолы:

– Я здесь!

Захлопывается входная дверь. Потом слышу, как она скидывает туфли, босиком идет по комнате и с тихим звоном вешает ключи на крючок на кухне.

Это так по-домашнему привычно, что я оказался не готов к незнакомым ощущениям в животе. Нервно оглянувшись на дом, я закрываю крышкой облако дыма в барбекю и пытаюсь напомнить себе, что я – друг Лолы. Ничего на самом деле не изменилось.

Когда вхожу в дом, она оборачивается на звук открывшейся москитной двери и улыбается.

– Принесла тут кое-что, – она кивком показывает на кучу пакетов на столе.

– Не нужно было. – Я закрываю за собой дверь. – Ребрышки почти готовы, сейчас принесу.

Она держит две пинты мороженого.

– Ну а теперь у нас есть и десерт.

Rocky Road[17 - Марка мороженого, традиционно оно шоколадное с орехами и маршмеллоу.] и клубничное. Наше с ней любимое.

Я ощущаю в груди тесноту и дискомфорт, когда подхожу к шкафу и достаю тарелки. Спокойное расстояние между нами рушится на глазах, и я чувствую надвигающийся взрыв. Понятия не имею, в какой форме он произойдет.

Лола ходит взад-вперед позади меня, а когда подходит к морозилке убрать мороженое, я совершенно не смотрю на ее задницу.

ЭТОТ УЖИН ПОХОЖ НА ПЫТКУ БОЛЬШЕ, чем когда-либо. Мне никогда не приходило в голову, что раскладывающая ребрышки барбекю Лола – это плохая идея. Или смотреть, как она их ест. С таким же успехом я вручил бы ей банан или, перегнувшись через стол, заставил ее пососать мой палец.

Бо?льшую часть ужина я провожу в полутвердом состоянии снова, ерзая на стуле, в то время как Лола сидит напротив меня, погруженная в свои мысли о новой книге. Она совершенно не обращает внимания на мою внутреннюю борьбу. Ей явно не нравится идея Остина о Рэйзоре, и я бы поделился с ней своим мнением, но оторвать взгляд от ее рта, когда она слизывает с пальцев соус, стоит мне сверхчеловеческих усилий.

Наконец я сдаюсь, чувствуя необходимость прогуляться до ванной, чтобы глотнуть немного воздуха. Я побрызгал водой себе в лицо и долгим твердым взглядом посмотрел на отражение в зеркале.

Вот почему я не дал зайти этому слишком далеко в Вегасе. Вот почему отказался от ее приглашения присоединиться к ней в гостиничном номере, и за это сам себе был готов надавать по лицу. Лола умная и красивая, и, зная, что собираюсь жить с ней в одном городе и очень, очень желая быть ее другом, я не хотел разрушить это или сделать странным из-за того, что трахну ее.

Но все это, безусловно, стало странно сейчас.

В комфортной тишине, стоя бок о бок, мы вместе очищаем посуду от остатков еды, загружаем ее в посудомоечную машину и протираем стол. Лола молчит, но по выражению ее лица понятно, что она размышляет и строит планы. Оно мне знакомо, хотя этим вечером кажется немного иным. Я не уверен почему, но мой живот нервно скручивается, и число причин, задерживающих нас на кухне вдалеке от удобного дивана в моей темной гостиной, потихоньку стремится к

нулю.

Что она задумала?

Я говорю ей, чтобы она выбрала фильм, и, стоя рядом с духовкой, наблюдаю, как она прокручивает список на моем iPad, немного скривив рот, пока не находит именно то, что хочет.

– «На гребне волны»? – предлагает она.

– Давай.

Ограбление банка и взрывы, оружие и тестостерон? Самое оно, чтобы держать свои глаза и руки при себе.

Я включаю посудомоечную машину, а Лола направляется в комнату. Прихватив попкорн и два пива, я локтем выключаю свет в кухне.

Когда я вхожу в гостиную, уже идут начальные титры. Две тусклые напольные лампы, достаточно широкий диван, чтобы разместить на нем по крайней мере четырех человек. И Лола, сидящая ровно посередине.

Ну ладно…

– Удобно? – Она похлопывает рукой по месту рядом с ней.

– Почти.

Мое сердце медленно тает где-то в районе живота.

Я сажусь, и после некоторых колебаний она пододвигается ближе, плотно ко мне прижимаясь.

Затаив дыхание, я замираю, прежде чем выдыхаю и смиряюсь с тем, что ее тело будет рядом с моим.

Финн и Ансель всегда называли наши с Лолой отношения тактильными – игривые мягкие удары, сцепленные в знак клятвы мизинцы и всякие «дай пять». Но объятия на диване? Это что-то новое.

– Хочешь, принесу мороженое? – поднимая голову, спрашивает Лола.

Я представляю ее, сидящую так близко, поедающую мороженое из коробки и слизывающую с ложки клубничный джем. Это будет гребаная катастрофа.

– Попозже, – говорю я. Она кивает, берет попкорн и вытягивает ноги перед собой. Кажется, я слышу ее вдох и успокаивающий глубокий выдох.

На ней мягкая серая футболка, открывающая одно плечо, и черные узкие джинсы, а ее босые ноги расположились рядом с моими на журнальном столике. У Лолы изящное телосложение, но она высокая и с изгибами, от которых у меня слюнки текут. Я бы никогда не описал ее как хрупкую – возможно, потому, что она излучает практически стальную ауру. Но я намного крупнее ее, гораздо выше, и до этого момента я не ощущал это так ясно.

Подняв ее руку, я кладу ее в свою, ладонь к ладони:

– Ты такая маленькая.

Лола смеется и смотрит на наши руки:

– Да нет, это просто ты гигант. В Австралии все такие? – Она приближается своим лицом к моему: – Тогда я запланирую сезон охоты.

– А ты сегодня дерзкая. – Я свободной рукой тянусь к миске попкорна на ее коленях, переводя взгляд на экран телевизора.

Но, чувствуя, как ее взгляд задерживается на мне, я не могу сопротивляться и не оглянуться на нее. Мы сейчас так близко, плечо к плечу. Краем глаза я вижу, как от дыхания вздымается и опускается ее грудь.

– Все еще рисуешь меня в одних боксерах? – шепотом спрашиваю я.

– Это так очевидно? – Она лишь слегка ухмыляется, но щеки уже становятся горячими и розовыми. Она откашливается.

– Замолчи и смотри фильм, – дразню ее я и чувствую, как член в джинсах становится тверже. – Ты уже и так заставила меня пропустить первые десять минут – ну те, где мы по идее должны вникнуть во все нюансы характера героя Киану.

– Вижу, как сильно ты расстроен, – с небольшим смешком замечает она и садится прямо.

Там, где она прижималась ко мне, стало прохладно, и я использую всю свою силу джедая, чтобы заставить ее сесть обратно и прикоснуться ко мне.

Мои ментальные навыки оказались куда мощнее, чем я ожидал, потому что она делает большой глоток из своей бутылки, ставит ее на стол и кладет ноги на диван. Ложась головой мне на колени.

Я делаю глубокий вдох и удерживаю взгляд на экране, пережидая, когда она поерзает, устраиваясь поудобнее.

Через некоторое время она укладывается, как хотела, и поднимает голову, глядя на меня с улыбкой.

– Ты такой уютный, – она сглатывает, – ничего, что я так лежу?

– Ты тоже. – Я пытаюсь держать миску с попкорном над ее лицом, чтобы отвлечься от того, что ее голова практически прижимается к моему члену. Ее ухо прямо на нем.

Она не может не понимать, что творит со мной.

– Эй, – говорит она, отставляя миску подальше от меня. – Будь хорошим мальчиком, иначе пожалуюсь Харлоу.

Лола хватает горсть попкорна и продолжает смотреть фильм. Герой Суэйзи идет во главе банды экс-президентов, и она смеется:

– Почему мне кажется, что сюда отлично вписался бы Не-Джо?

Моя рука блуждает по ее волосам, сначала невинно, чтобы убрать со лба, а затем совсем неприкрыто, разглаживая пряди по всей длине. Даже если это все, что у нас может быть, то, черт, я все равно в деле.

– Потому что, если мы попросим его покараулить заведенный фургон, пока остальные побегут грабить банк, единственный вопрос, который он задаст, – это можно ли сменить радиостанцию?

Приподнявшись, Лола смотрит на меня, но лучше бы ей не двигать головой.

– Или попросит принести ему конфеток.

– Точно, – соглашаюсь я.

Какое-то время мы молчим, и я наматываю на палец прядь ее волос, глядя, как на нем играют блики света от мерцающего экрана телевизора.

– Ну как у тебя, все нормально в магазине? – спрашивает она и кладет руку рядом со своей головой у меня на бедре.

– Ты разве не знаешь? – удивляюсь я. – А ведь уже практически работник месяца.

– Это все потому, что у меня слабость к Не-Джо, – снова оглядываясь на меня, говорит она.

Я то и дело перемещаюсь, пытаясь отодвинуть ее подальше или придвинуть ближе – я и сам точно не знаю.

– Не вздумай ему признаться, а то решит, что ты собралась за него замуж.

– Вообще-то нет, – со смехом отвечает она. – Не-Джо как-то сказал, что ни за что на свете не женится на разведенке, хотя, думаю, он все время забывает, что мы с тобой были женаты.

– Я убрал тебя из его списка вариантов. – Эта мысль доставляет мне удовольствие: слова звучат слишком откровенно, поэтому, прежде чем она что-нибудь ответит, я возвращаюсь к ее первому вопросу: – А в магазине все замечательно. Гораздо больше дел, чем я ожидал, что говорит о необходимости в дополнительном помощнике по выходным.

– Ого, правда? Круто!

У меня теплеет в груди, когда я смотрю на нее:

– Ищешь работу?

– Ха-ха. – Она снова переворачивается и оказывается на спине. Она сейчас в моем поле зрения, что приятно, но если повернет голову, то ее лицо окажется в нескольких сантиметрах от моего члена. Никогда в жизни это не было настолько желанно. Но я не совсем уверен, к лучшему ли оно.

– Вообще-то я куда более подходящая компания, чем Не-Джо, скажу тебе откровенно.

– Он не так уж плох. Но в джинсах ты смотришься чертовски лучше. Разве Не-Джо носит что-то еще, кроме серферских шорт? – спрашивает она, закрывая глаза, когда я массирую ей голову.

Она тихо постанывает, и мне приходится напрячься, чтобы не запнуться.

– Если у тебя не выгорит дело со всеми этими звездными делами и всемирной известностью, – говорю я, – ты всегда можешь продавать комиксы в Downtown Graffick. – Она молчит, и я пользуюсь поводом спросить: – Хочешь немного обсудить идею Остина? Или закроем эту тему?

Чем больше я думаю о предложении Остина сделать Рэйзора марсианином, тем больше раздражаюсь. Для человека, утверждающего, что он одержим книгами Лолы, Остин, кажется, вообще их не понимает. И еще неделю назад Лола расхохоталась бы от подобного предложения. Она что, рассматривает его на полном серьезе?

Она пожимает плечами, а в фильме раздаются звуки стрельбы. Она поворачивается лицом к экрану и берет меня за свободную руку.

– Люблю эту сцену, – признается она.

Избегание стресса. Это суперсила Лолы.

– Еще бы тебе не любить, – замечаю я. – Патрик Суэйзи сейчас снимет рубашку. Черт, даже я люблю эту сцену.

– А Киану Ривз мог бы стать настоящим супергероем, – размышляет она.

Я потрясенно смотрю на нее:

– Ты забыла о Нео?

Она качает головой:

– Нет, думаю, у него есть такая особая черта, которая была бы идеальна для злодея. Типа Саблезубого[18 - Персонаж вселенной Marvel, противник Росомахи.]. Может быть, Ра’с аль Гул[19 - Голова Демона, суперзлодей из мира DC Comics, враг Бэтмена.] или Генерал Зод[20 - Суперзлодей из мира DC Comics, враг Супермена.].

– Да ладно, Зод? – переспрашиваю я. – Нет, ты что!

Лола хихикает:

– Люблю, когда ты так говоришь.

– Нет, ты что?

– Ага. Это так… Я даже не смогу воспроизвести звук в конце. Это как четыре гласных одновременно.

– Грубишь, – ласково укоряю ее я.

– Я про твое «о». Каждый раз, когда я пытаюсь скопировать, у меня не выходит как надо. Скажи: «У твоего отсоса мощность пылесоса».

– Я не стану такое говорить, Сладкая Лола.

– Видишь? Вот оно! Луу-о-о-о-о-о-аа-ала, – говорит она, растягивая слово и нарочно сильно артикулируя. – Честно говоря, я даже не знаю, какие буквы ты используешь.

– Да самые обычные, – отвечаю я.

Через некоторое время она начинает потирать затылок.

– Как ты там? – спрашиваю я, убирая руку с ее волос, чтобы растереть ей плечи.

– Моя шея сейчас под странным углом.

– Хочешь, чтобы я подвинулся, или… – начинаю я, но Лола садится, оглядывает диван и встает.

– Может, хм… Передвинься сюда, – просит она, убирает мои ноги со столика и кладет на диванную подушку. – Да, вот так.

Я отставляю попкорн в сторону и делаю так, как она сказала, вытягиваясь на диване. Она нервничает? Или мне так кажется?

Она осторожно ложится на свободное пространство передо мной, прижимаясь ко мне спиной. И да, это тоже ново.

– Ты превратила меня в свою большую ложку, – замечаю я, надеясь как-нибудь ослабить напряжение между нами.

Она тянется назад, чтобы ущипнуть меня за бедро, но я перехватываю ее руку и сам не замечаю, как обнимаю ее. Какое-то время мы лежим в тишине, которую нарушают только звуки фильма, а когда я слегка сдвигаюсь, она переплетает свои ноги с моими.

Да чтоб меня.

Уже не интересуясь фильмом, я закрываю глаза и чувствую, как тону, когда она проводит ногтями по тыльной стороне моего запястья и когда эти замедляющиеся прикосновения становятся все больше похожими на ласки, нежели на случайные касания.

Я был так осторожен с ней, следя, чтобы не стала заметна глубина моих чувств. Не хотел на нее давить и разрушить все, что у нас есть, но прямо сейчас это выглядит, будто мы балансируем на вершине горы, и если достаточно сильно наклонимся в сторону, то соскользнем в нечто потрясающее, в то, чего я хотел и ждал, наверное, долгие годы. Но если для нее это просто дружба и я совершу ошибку, то рухну с вершины в пропасть: и без ее дружбы, и без любви.

Не уверен, что готов так рисковать. Мне нужно позволить ей решить самой.

– Лола? – зову я, и в этих двух коротких слогах я слышу каждый из собственных страхов и сомнений.

От плеч вниз по ее телу прокатывается волна напряжения, после чего она приподнимается и садится.

– Блин, я и не заметила, что уже так поздно, – говорит она и встает с дивана. – Я хотела закончить пару панно. И еще нужно позвонить Остину.

Мне требуется время, чтобы осознать, как быстро сменилась атмосфера.

– Ты можешь позвонить ему отсюда, – предлагаю я, наблюдая, как она рассеянно завязывает волосы в пучок на макушке. Не хочу, чтобы она уходила. – Я не буду тебе мешать.

Она идет на кухню, и мне видна ее тень на стене. Собирая свои вещи, она приостанавливается.

– Это здорово, – как ни в чем не бывало прозносит она. – Но мне в любом случае сначала нужно обдумать, что сказать.

Я стою и жду, пока она берет свои ключи и надевает туфли у двери.

– Напишешь, когда доберешься до дома?

Она кивает и улыбается мне:

– Конечно. И спасибо за ужин.

– Не за что.

Покручивая ключи на пальце, она оглядывается в сторону гостиной.

– Спасибо за большее, чем просто ужин. – Она смотрит на диван, где мы лежали, обнявшись. Там еще витает наше сексуальное напряжение. Интересно, она тоже это видит? – Еще спасибо, что ты такой классный. Понимаю, что моя жизнь сейчас – сплошное сумасшествие, а у тебя полно своих дел. Я ценю, что ты миришься со всем этим и пообнимал меня сегодня.

Я улыбаюсь, но ничего не отвечаю, потому что, вот честно, что тут можно сказать? Что готов мириться с сумасшествием хоть круглые сутки, если оно ее?

Она наконец поворачивается и подходит к двери.

– Ты мое укрытие.

– Меня называли куда хуже, – улыбаюсь я.

Слегка улыбнувшись, Лола встает на цыпочки и, подавшись вперед, быстро целует меня в щеку:

– Спокойной ночи, Оллс.

– Спокойной, Сладкая Лола.

И после этого она уходит.

Глава 5

Лола

Чем занимается кое-кто после вечера интимных обнимашек с другом на диване, приехав в свою пустую и холодную квартиру?

Ну первым делом эта кое-кто достает из прикроватной тумбочки вибратор. А на следующий день она направляется прямиком в магазин этого друга и делает вид, что совсем не наблюдает за ним остаток дня.

Если честно, я не знаю, что со мной не так. Меня настолько разрывает между желаниями держать его во френдзоне и немедленно оседлать, что приходится сдерживаться всякий раз при мысли об этом. А сам факт, что вчера Оливер оказался не против объятий и флирта и даже поощрял… Я серьезно не знаю, что делать, потому что, с одной стороны, человек, с которым мне хочется это обсудить, – это и есть Оливер, а с другой – он последний, с кем буду об этом говорить. Мне хочется его подтолкнуть, совсем чуть-чуть, чтобы посмотреть, не изменилось ли что-то между нами и сделает ли он шаг вперед. Просто я никогда не могу точно знать, что происходит у него в голове.

– Ты уже поселилась тут, Лола? – из-за прилавка интересуется Не-Джо, когда я прохожу мимо него в конец магазина. – А то давай я покажу тебе, как заполнять ведомость, а сам пойду забью косячок.

– Я все слышу! – кричит с другого конца магазина Оливер. Он смотрит на меня и слегка улыбается. В этой улыбке тысячи слов, а я не знаю этого языка.

– Преследовать вас обоих – одна из привилегий создательницы комиксов, – отвечаю я, потягиваясь с альбомом в руках и расположившись на новом диване в конце магазина. В последнее время уголок для чтения вечно полон фанаток Оливера и старшеклассников, пролистывающих «Секс-преступников»[21 - Комикс про любовников, которые обнаружили в себе способности останавливать время во время оргазма и решили ими воспользоваться.]. – Я могу проторчать тут хоть весь день и смело назвать это исследованием.

– Она скрывается от папарацци. – Оливер подбородком показывает на окно, за которым стоит мужчина с блокнотом рядом с несколькими терминалами оплаты парковки. – Еще только одиннадцать, а он уже часа два там торчит, – сообщает он мне. – Думаю, надеется взять у тебя интервью в свою крошечную газетенку с пятитысячным тиражом где-нибудь в Чула-Виста[22 - Городок в округе Сан-Диего на границе с Мексикой.].

Я благодарю его за горячий кофе из «Старбакса» и думаю: я его не сразу увидела, как пришла, именно потому, что он ходил за ним.

Несмотря на то что пресс-релиз вышел где только можно, Интернет заполонили популярные хештеги, тонна постов на «Тамблере», и все до сих пор обсуждали кастинг, не похоже, что кто-то вдруг мной заинтересовался. Писатели ведь скучные. А писатели-интроверты, не жаждущие внимания, – тем более. Я заранее ответила на вопросы всех крупных интервью и скинула Бенни на почту. К счастью, хоть здесь Анджела Маршалл ошиблась, говоря о переменах в моей жизни.

– Чем занималась вчера вечером? – спрашивает меня Не-Джо, вручая покупателю пакет и закрывая ведомость.

– Была с Оливером.

Когда я говорю это, интересующий меня мужчина не поднимает взгляд, и я снова теряюсь в догадках, что творится у него в голове. Думает ли он о том, каково это было – прижавшись друг к другу, лежать на диване? Или, может, после моего ухода он слопал все мороженое? Или же о том, какого черта на меня вчера нашло? Уж у меня-то это не выходит из головы.

В то же время я не могу сказать, что жалею.

– Была? – двусмысленно уточняет Не-Джо.

– Джо! – В голосе Оливера слышится мягкое предостережение.

– Этот парень делает просто фантастические ребрышки барбекю, – говорю я Не-Джо.

На долю секунды Оливер встречается со мной взглядом, после чего отворачивается и старается скрыть улыбку.

– Значит, смаковали горяченькое, да? – ухмыляясь, спрашивает Не-Джо. – Обсасывали со всех сторон?

Я люблю этот расслабленный смех Оливера, который следует за этим словами, и его скользящий взгляд в мою сторону. Люблю, что темп его работы не меняется, даже когда мы смотрим друг на друга, вдыхая и выдыхая. Он вытаскивает из коробки стопку книг и кладет ее на прилавок. Берет еще одну и снова кладет.

– Ты опасен, – говорю я и смотрю на Не-Джо, но имею в виду Оливера.

Потому что именно он – настоящая опасность. Одна большая спокойная, уравновешенная и охренительно сексуальная опасность.

Пожав плечами, Не-Джо склоняется над книгой.

– Говорят, в новом выпуске у Рыжей Сони грудь стала больше. Неистово плюсую.

Оливер поворачивается в его сторону:

– Ну-ка покажи обе руки, Джо.

Не-Джо хохочет и поднимает руки:

– Вообще-то это ты – тот парень, кто надрачивает на комиксы, а не я.

– А ты парень, который спрашивает: «Я вошел?» – лениво парирует Оливер.

– А ты тот, кто без конца интересуется: «Тебе хорошо, детка? Хорошо, скажи?»

– В этом нет нужды, чувак. – Оливер продолжает смотреть в накладную. – Я знаю, что хорошо.

Не-Джо смеется, а я чувствую, как мои глаза округляются от внезапно появившегося рыка в его голосе. Я задыхаюсь под тяжестью ревности и желания, когда думаю о нем, занимающемся сексом. Или может, это отголоски вчерашнего ну же, ну же, ну же.

Вообще вчера было странно.

Моргая, я перевожу взгляд на стойку с новинками, чтобы заставить свой мозг перезагрузиться.

– То, что тебе хорошо, не означает, что хорошо им, – заявляет Не-Джо.

– Ну, – рассеянно встреваю я, – учитывая лесби-соседок, благодаря которым была практика, практика и еще раз практика…

Я замолкаю, ощутив, как магазин погрузился в полную тишину.

Перезагрузка не удалась. Не могу поверить, что ляпнула это.

Однажды в сильном подпитии я услышала, что у Оливера были соседки лесбиянки, но от Анселя – и у него было очаровательное заговорщическое выражение лица в тот момент. Сам же Оливер фактически ничего мне не рассказывал. Сказать, что я была в шоке, – значит сильно преуменьшить.

Я ощущаю его взгляд на своем лице и вижу, как одна из его фанаток практически трахает взглядом его через весь магазин.

– Откуда ты… – начинает он.

– Подожди-ка, – останавливает его Не-Джо. – Лесби-соседки? А почему я только сейчас об этом узнаю? Так нечестно.

Оливер продолжает на меня смотреть и приподнимает брови, как бы говоря: «И что ты ответишь?»

– Как рассказывал Ансель, – отвечаю я Не-Джо, стараясь говорить как ни в чем не бывало, будто это на меня саму никак не влияет, – у Оливера были две

соседки в универе в Канберре. Они обе предпочитали женщин, но поскольку среди студентов обычно мало зажатых и скованных, они взялись показать Оливеру пару важных приемчиков. Ансель говорил, что чудовищное количество женщин нахваливали умения Оливера.

– Ансель о таком никак не может знать, – перебивает меня он, стараясь скрыть обеспокоенность. – Все было совсем не так.

– А звучало именно так, – с игривой улыбкой возражаю я.

Но он не улыбается мне в ответ. Вообще-то он выглядит напряженным, словно ему не нравится, что я завела об этом разговор. Еще бы, мы посреди его магазина, где личному нет места. Но не он ли только что заявлял, что секс с ним хорош?

Смутившись, я опускаю взгляд на комикс в своих руках и несколько раз перечитываю один и тот же диалог.

– Это, – Не-Джо хлопает Оливера по плечу, – эпично. Идеальная тема поглумиться.

Оливер ничего не отвечает, просто хмурится и смотрит в свои бумаги.

Ну а теперь это стало действительно странным. И это моих рук дело, но когда думаю об этом, вспоминаю, что все утро было странным. Вчера у него дома я словно прыжком пересекла невидимую линию между нами. Обнажила фарс наших просто дружеских отношений, по крайней мере под конец. Режим «просто друзья» годится до тех пор, пока это актуально для каждого. И едва становится понятно, что одному из двоих нужно большее, карточный домик рушится.

Пару дней назад я сказала, что я хочу его нарисовать… Потом вчера вечером мы вместе лежали перед телевизором, плюс те легкие поглаживания… А сейчас знать о его прошлой сексуальной жизни, о чем мы раньше никогда не говорили… Наверное, я разрушила всю тщательно отстроенную крепость и облила ее бензином.

Подойдя к нему, я постукиваю его по плечу.

– Извини, – бормочу я. – Я просто открыла рот, и оттуда высыпалась куча неловкостей.

Он не смотрит на меня:

– Все нормально. Просто не хочу, чтобы ты думала…

– Да, я знаю. – Мне сейчас неловко. Я понимаю. Ему не хочется, чтобы я о нем так думала.

На панно изображена девушка, не отводящая глаз от лежащего в ладонях пульсирующего сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сайт с фильмами, знаменитостями, сериалами, новостями шоу-бизнеса.

2

Онлайн секонд-хенд.

3

По аналогии с современным романом и фильмом «Степфордские жены».

4

Героини фильмов «Молчание ягнят» и «Терминатор» соответственно.

5

Кинокомпании.

6

Успокоительное.

7

Персонаж вселенной DC Comics, иллюзионистка и волшебница.

8

Комикс 1963 года, № 25 серии.

9

Ликер на травах.

10

Группа классов в школе в Австралии, включает в себя учеников от 11 до 13 лет.

11

National Public Radio – некоммерческая организация, собирает и распространяет новости с радиостанций США.

12

Обезболивающее, схожее с героином и опиумом.

13

Еженедельный журнал о событиях шоу-бизнеса.

14

Семейство пресноводных рыб, по-видимому, родственники Рэйзора.

15

Рисовые хлопья.

16

Австралийский актер, сыгравший в фильме «Крокодил Данди».

17

Марка мороженого, традиционно оно шоколадное с орехами и маршмеллоу.

18

Персонаж вселенной Marvel, противник Росомахи.

19

Голова Демона, суперзлодей из мира DC Comics, враг Бэтмена.

20

Суперзлодей из мира DC Comics, враг Супермена.

21

Комикс про любовников, которые обнаружили в себе способности останавливать время во время оргазма и решили ими воспользоваться.

22

Городок в округе Сан-Диего на границе с Мексикой.

Купить: https://tellnovel.com/kristina-loren/derzkaya-temnaya-noch

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити